

ОНИ ГОТОВЫ
СПРАВИТЬСЯ С ЛЮБОЙ
КАТАСТРОФой —
ДАЖЕ С МАФИЕЙ

18+

БЕРЕГИТЕСЬ ЦЕНОВ

ДЖЕССИ К. СУТАНТО

AsianRomance

Джесси К. Сутанто

Берегитесь Ченов

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111.312.1
ББК 84(7Coe)

Сутанто Д.

Берегитесь Ченов / Д. Сутанто — «Издательство АСТ»,
2021 — (AsianRomance)

ISBN 978-5-17-154427-0

Мэдди Чен побывала на бесчисленном количестве свадеб, но вряд ли представляла, чем обернется ее собственная. Чтобы ма и тети так же насладились праздником, как и остальные гости, они находят идеальный компромисс — такая же, как у них, китайско-индонезийская семейная компания по организации свадеб. Сначала Мэдди сомневается в выборе, но быстро находит общий язык со свадебным фотографом Стафани, которая напоминает Мэдди ее саму, вплоть до неудачно исковерканного имени. Однако позже, когда Мэдди становится свидетельницей одного подозрительного разговора, до нее доходит, что на этом их сходство заканчивается. В ужасе она не может поверить, что Стафани и ее семья совершенно не те, за кого себя выдают.

УДК 821.111.312.1

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-154427-0

© Сутанто Д., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть I	7
1	7
2	14
3	21
4	26
5	30
6	34
7	40
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джесси К. Сутанто

Берегитесь Ченов

Роман

*Моим читателям, спасибо вам, что любите семью Ченов так же
сильно, как и я*

Jesse Q. Sutanto
Four Aunties and a Wedding

* * *

Печатается с разрешения Jill Grinberg Literary Management, LLC and The Van Lear Agency LLC. All rights reserved.

© 2021 by PT Karya Nippo Makmur
© Елена Солодовникова, иллюстрация на обложку
© Маргарита Кукушкина, перевод на русский язык, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Дорогой читатель,

благодарю тебя за то, что выбрал «Свадебный переполох Ченов». Когда я писала первую книгу из серии «Доверьтесь Ченам», то прежде всего хотела поделиться с миром частичкой моей удивительной семьи и культуры. Мне так повезло, что у меня есть возможность сделать это снова благодаря «Свадебному переполоху Ченов». Работая над первой книгой, я старалась не пересекать грань между аутентичностью и банальной стереотипностью в стремлении показать тот тип ломаного английского, на котором говорит моя семья, но при этом не превращая его в источник насмешек. И я была так благодарна и тронута, что «Доверьтесь Ченам» так тепло приняли. В продолжении истории семьи Ченов я хотела затронуть тему азиатской диаспоры.

Как и Нейтан, мой муж наполовину азиат, наполовину англичанин. У моей свекрови китайско-сингапурские корни, поэтому, впервые встретив своего мужа, я была ужасно рада, потому что, живя в Оксфорде, очень скучала по дому. Я выросла в Сингапуре, и синглиш (Singlish) – это язык, на котором мне удобнее всего говорить, поэтому встреча с другим сингапурцем в чужой стране была словно глотком свежего воздуха.

Будучи радостно взволнованной, я поинтересовалась у своего мужа, какое его любимое сингапурское блюдо (мое – роти прата), в какую школу он ходил в Сингапуре и можем ли мы говорить друг с другом на синглише. Каждый отдельный вопрос был встречен пустым взглядом.

Как оказалось, мой муж, может, и наполовину сингапурец, но уехал оттуда в совсем юном возрасте, так что не помнит практически ничего, кроме того, что там жарко.

Позже, после того как мы некоторое время повстречались, мне не терпелось познакомиться с его родителями. Я думала, что его мама будет более приближена к сингапурской культуре, но, как оказалось, она тоже безупречно говорила на британском английском и легко интегрировалась в английскую культуру. Она даже попросила меня называть ее по имени, а

не по-азиатски «тетя». Единственное, что напоминало о ее сингапурских корнях, так это вкуснейше приготовленные китайские блюда.

Первая встреча наших с мужем родителей прошла очень неловко. Обе стороны были явно сбиты с толку. Я надеялась, что они найдут общий язык, поскольку и мои родители, и моя свекровь фактически являются иммигрантами, но вместо этого встреча только подчеркнула их различия. К счастью, родители с обеих сторон постарались наладить контакт, и сейчас мы все прекрасно ладим, но все же для этого потребовались некоторые усилия.

Этот случай действительно показал, насколько различается опыт каждой азиатской диаспоры. В большинстве случаев нас относят к одной единственной категории – азиаты. Обобщающий термин, который игнорирует огромные различия, возникающие не только в зависимости от того, откуда мы родом, но и от того, когда мы уехали и где обосновались. В «Свадебном переполохе Ченов» я надеюсь показать то, насколько разнообразным может быть опыт азиатской диаспоры и что нельзя быть правильным или неправильным азиатом.

Джесси

Часть I

Планирование идеальной свадьбы (На самом деле, все дело в платье)

1

Когда последний крючок на корсете оказывается застегнутым, я стараюсь не дышать.

– Ой, я не могу дышать.

Яньян, стиснув зубы, делает последний яростный рывок, от которого я буквально взвизгиваю.

– Раньше невесты специально ломали себе ребра, чтобы влезть в свои свадебные платья, – говорит он, и меня поражает, что он произносит это не с ужасом, а скорее задумчиво, что несколько настораживает.

– Ну, как ощущения?

Я снова рискую вдохнуть, и удивительно, но, несмотря на все мои мучения, пока меня запихивали в это платье, оно оказывается, не побоюсь этого слова, удобным. Что это за черная магия такая? Клянусь, я была уверена, что вряд ли смогу сделать даже самый крошечный вдох. Я удивленно смотрю на Яньяна.

– Я могу в нем дышать.

Мне не видно его глаза за круглыми очками в фиолетовой оправе, но я отчетливо представляю, как он их закатил.

– О-о-ой, ну конечно, ты можешь спокойно дышать в нем, глупышка. Творения Яньяна не только красивые, но и максимально удобные.

Я не могу не улыбнуться ему. У Яньяна есть привычка говорить о себе в третьем лице, что по идее должно звучать слегка ненормально, но на самом деле выходит даже мило. Его настоящее имя Янчжэнь, но никому нельзя его так называть. По одной китайской традиции, при обращении к близким и друзьям используется уменьшительно-ласкательное прозвище, которое образуется при помощи удвоения одного из слогов имени человека, и, как говорит Яньян, он всем друг, поэтому мы должны называть его Яньян.

– Итак, ты готова это увидеть? – спрашивает он.

А готова ли я? У меня учащается пульс. Начинают гореть щеки. По счету это будет уже сорокамиллионное платье. Клянусь, я перемерила все свадебные платья в Лос-Анджелесе, и каждый раз маме или тетям что-то да не нравилось. За последние несколько месяцев мы обошли с ними почти все свадебные салоны Лос-Анджелеса, и их комментарии уже отложились у меня в голове.

«Блестки недостаточно блестящие».

«Кружево выглядит колючим, у меня прямо все зачесалось, а у тебя не зачесалось?»

«Лик слишком распутный». (Вторая тетя имела в виду лиф. Наверное.)

И так далее, и тому подобное, пока Нейтан не объявил, что договорился с ведущим индонезийским дизайнером свадебных нарядов. Он должен был приехать в Лос-Анджелес и привезти с собой платья, сшитые на заказ. В том числе – самое главное – платья для мамы и тетешек невесты.

Я сглатываю и киваю Яньяну.

– Готова.

– Хорошо, но закрой пока глаза! – Он приподнимает подол платья, и я медленно поворачиваюсь лицом к большому зеркалу в пол. Спустя минуту каких-то копошений он говорит: – Можешь открывать.

Я открываю глаза.

И у меня просто отвисает челюсть.

– Яньян...

У меня перехватывает дыхание. Я не могу подобрать слов, чтобы описать это платье. И в этот момент я понимаю, что это оно. То самое. Лиф, обтянутый нежнейшим кружевом, которое выглядит так, словно его сшили феи из паучьего шелка. Великолепная летящая юбка, настолько легкая, что я могу практически бегать в ней. Платье облегает тело во всех нужных местах и сексуально, но в то же время деликатно подчеркивает мои изгибы. Я чувствую себя облачком. На глаза наворачиваются слезы.

– Оно идеальное, – шепчу я.

Яньян отмахивается от меня, пытаюсь изо всех сил скрыть свою широкую улыбку.

– Ну что, теперь покажем твоей семье?

Поехали. Глубокий вдох. Не знаю, что буду делать, если они скажут, что им не нравится. Собираюсь с духом и сжимаю руки в кулаки. Я буду бороться за это платье. Я и так согласилась с их бесконечным списком жалоб, хотя многие платья, которые я примеряла до этого, были прекрасными. Однако это платье не просто прекрасно. Оно на самом деле идеальное. И я не позволю им его закритиковать. Не позволю. Я...

– Та-да! – выкрикивает Яньян, с размаху распахивая дверь спальни.

Я стискиваю зубы, ожидая гору жалоб, но их нет. Вообще-то, вокруг вообще никого нет. Диван и стулья, расставленные полукругом в маминей гостиной, пусты.

– Ох, – вскрикивает Яньян, разводя руками. – Яньян не может так работать. Ты знаешь, как важно правильное появление? Это же не просто платье – это целое событие!

– Мне так жаль. Я не знаю, куда они ушли. Может быть, в туалет? – Я уже собираюсь позвать их, как вдруг в коридоре слышатся шаги.

– Мэдди? Это ты? Уже готова? – окликает меня ма.

– Да, готова! – раздраженно откликается Яньян. – Пожалуйста, займите свои места, чтобы ваша дочь могла показать вам свое красивое свадебное платье.

– Ай, подождите! Мэдди, закрой глаза!

– Что? – Лицо Яньяна становится красным. Такой важный для него момент рушится, бедняга.

– Просто смирись. – Я хлопаю его по плечу.

– Невероятно! – огрызается он, но затем берет себя в руки и начинает поправлять юбку и шлейф так, чтобы они безупречно ниспадали волнами на пол.

– Готова или нет, а? – выкрикивает вторая тетя.

– Да.

Я закрываю глаза, отчасти страшась того, что сейчас увижу. Ма и остальные мои тети выходят из маминей спальни, хихикая, как школьницы. Но прежде, чем они доходят до гостиной, Яньян бормочет:

– Что-то здесь не так.

И выбегает в коридор, чтобы удостовериться. Вся Санта-Моника наверняка услышала, как он ахнул от ужаса.

– Это не те платья, что привез Яньян!

– Нет, это платья, что привез Джондзон, – царственно произносит кто-то другой.

Ладно, даже самый волевой человек не сможет держать глаза закрытыми после такого. Я приоткрываю один глаз как раз в тот момент, когда из кухни выходит высокий стройный мужчина, одетый в облегающий костюм из змеиной кожи.

Яньян снова ахает:

– Джонджон. Как ты посмел?

– Что происходит? – спрашиваю я.

– Здравствуйте, приятно познакомиться. Меня зовут Джонджон, возможно, вы слышали обо мне? Я признан самым авангардным дизайнером одежды в Индонезии. Меня даже печатали в Tatler и Vogue. – Он протягивает мне руку, увешанную различными массивными кольцами. Не зная, что делать, я нехотя пожимаю ее. – Ваша семья попросила меня разработать дизайн их платьев для вашей свадьбы.

– Но Яньян разработал дизайн их платьев! – вскрикивает Яньян.

Джонджон фыркает.

– Эти бесформенные коричневые мешки? Я так не думаю. Эти дамы заслуживают лучшего. Готовы их увидеть?

– Подожди, подожди! – Яньян хватается с дивана шерстяной плед и набрасывает его на меня. – Ладно, когда придет время, изящно сбросишь с себя плед, ага?

– Эм. Ладно. – Я плотнее закутываюсь в плед и киваю Джонджону, слегка страшась того, что сейчас увижу.

– Узрите же! – Джонджон величественно взмахивает рукой, нажимает что-то на экране телефона, и под зазвучавшую паршивенькую поп-музыку моя семья, друг за другом, с важным видом начинает дефилировать по коридору.

Я оборачиваюсь. И в полном шоке застаю следующую сцену.

Старшая тетья, вторая тетья, ма и четвертая тетья, одетые в самые откровенные платья ядерно-фиолетового цвета, идут мне навстречу. Ничего ужаснее я еще не видела. Никогда. Как же мне описать этот оттенок фиолетового? Это как если бы цвета «розовый фламинго» и «синий электрик» родили ребенка, а потом этот ребенок занюхал дорожку кокаина и начал бить вас по лицу. В общем, очень фиолетово. А еще это обилие разных материалов. Тафта, вышивка и блестки. Господи, как много блесков. При каждом движении кристаллы и стразы на нарядах мамы и тетюшек просто ослепляют меня своим сиянием. Но это еще цветочки.

– Что это за штуки у вас на головах? – от ужаса я произношу это тихим голосом, но четвертая тетья, должно быть, по ошибке уловила в нем некий благоговейный трепет, потому что начинает жеманно хлопать своими накладными ресницами, глядя на меня.

– Разве они не великолепны? – Она нежно проводит рукой по непонятной штучке у себя на голове. – Это называется фасинатор¹. Они идеально подходят для английских свадеб. Мы как раз отлично впишемся в обстановку.

– С этой штучкой на голове? Я думаю, что... я... но... – бормочу я.

– Айя, тебе не нравится! – вскрикивает мама. Она поворачивается к своим сестрам. – Я говорила вам, говорила же. Комодский варан – плохой выбор, надо было остановиться на фламинго!

Я хочу что-то сказать, но не могу вымолвить ни слова.

Что вообще можно сказать, столкнувшись с четырьмя женщинами, на головах которых устроились комодские вараны, каждый по двадцать пять сантиметров в длину? Ну, по крайней мере, они неживые. Наверное.

– Они ведь ненастоящие, да?

Не знаю, смогла бы я простить свою семью, если бы они оказались настоящими.

На это Джонджон самодовольно улыбается.

– Они выглядят настоящими, правда? Я понимаю, почему ты так подумала: искусная работа, мастер потрудился на славу, да?

---

¹ Шляпка-фасинатор – это вид дамской шляпы, которая может быть маленькой или большой и часто делается с перьями, шерстью или соломкой. Такой аксессуар для волос часто надевают в Великобритании на официальные мероприятия.

Просто нет слов, опять. Вараны находятся в разных позах, одна страннее другой, но при этом они каким-то образом сочетаются с личностью каждой женщины. Варан старшей тети стоит на двух задних лапах, а его передние – в позиции «руки в боки», как у той самой азиатской тетушки, которая не одобряет твой жизненный выбор. Варан второй тети, конечно же, растягивается в какой-то причудливой позе тай-чи. У мамы варан сидит, чопорно потягивая чай. Да, в его лапах действительно есть крошечная чайная чашка. А у четвертой тети варан поет в караоке.

Я поворачиваюсь к Яньяну. Может быть, он сыграет плохого полицейского и спалит весь этот нелепый наряд дотла? Как и я, он тоже с открытым ртом пялится на их фасинаторы. Он протягивает руку и касается варана четвертой тети так осторожно, будто боится, что тот оживет и цапнет его за руку.

– Невероятно, – произносит он.

Я бочком подхожу к нему и шепчу:

– Ты имеешь в виду нелепо?

Он окидывает меня взглядом, и лишь тогда я замечаю, что на его лице написан не столько шок, сколько радостное удивление.

– Какое мастерство. Чешуя, а эти глаза!

– Ты имеешь в виду, что чувствуешь на себе их взгляд в любом месте комнаты? – Я моментально вздрагиваю.

– Это называется эффектом Моны Лизы, – отвечает Яньян.

Моя мама и тети самодовольно оглядывают себя.

– Вы же понимаете, что он варанов называет Моной Лизой, а не вас? – указываю я. Это, возможно, звучит мелочно, но зато честно. Я ни за что на свете не позволю этому случиться. Нельзя допустить, чтобы они встретили родителей Нейтана с чертовыми варанами на голове.

– Ладно, хорошо. А сейчас серьезно, – говорит старшая тетя, выпрямляя спину и разглаживая свою юбку с оборками. – Что ты думаешь, Мэдди?

Я перевожу взгляд с их макушек на ее лицо и именно тогда понимаю одну вещь: старшая тетя нервничает. Я впервые в жизни вижу ее такой встревоженной. Хотя нет, это уже случилось однажды, когда ей пришлось переносить тело человека, которого я убила. Нескрываемые беспокойство и надежда на ее лице заставляют мое сердце сжаться. Я перевожу взгляд со старшей тети на остальных – они тоже в предвкушении. Ма нервно болтает руками, а вторая тетя выглядит так, словно готова погрузиться в позу тай-чи, если услышит хотя бы одно негативное высказывание. Четвертая тетя пялится на свои ногти, время от времени украдкой поглядывая в мою сторону, и я понимаю, что она нервничает так же, как и остальные.

Вот черт.

– Эм, – мой голос дрожит. Я прочищаю горло и пытаюсь снова. – Ну... эм... Важнее, что ты сама думаешь, старшая тетя. Тебе нравится?

Она начинает кивать, как вдруг Джонджон вскрикивает:

– Осторожно!

И тетя резко поднимает голову. Затаив дыхание, мы наблюдаем, как в течение нескольких напряженных секунд комодский варан на ее голове опасно покачивается, а затем занимает прежнее положение.

Удобный случай предоставляется сам собой, и я тут же перехожу в атаку.

– Ну, как бы превосходно они ни выглядели, если вы не сможете в них свободно двигаться, то надевать их – так себе затея. Я хочу, чтобы на моей свадьбе вы чувствовали себя предельно комфортно, старшая тетя.

– И то верно... – отвечает она.

Надежда трепещет в груди.

– О, это вовсе не проблема. В день икс просто попросите своего парикмахера приколоть фасинаторы к вашим парикам, – говорит Яньян. – Знаете, этим лайфхаком пользуется большинство знаменитостей, и у них все отлично держится.

– Спасибо за совет, Яньян, – шиплю я сквозь зубы. Он должен быть на моей стороне.

– То есть тебе нравится? – спрашивает старшая тетя, глядя мне прямо в глаза.

– Я... – Шесть пар глаз устремляются на меня, словно прожигая лазерными лучами. И я понимаю, что проиграла. – Если нравится вам, значит, нравится и мне.

Мама и тетушки расплываются в широченных улыбках, и лишь на долю секунды я радуюсь, что согласилась с ними. Но затем ко мне возвращается здравый смысл, и я мысленно даю себе пощечину. Что я наделала? На что согласилась? Что подумает чопорная английская семья Нейтана? Меня начинает трясти лишь от одной мысли о знакомстве моей сумасшедшей семейки с его красноречивой и элегантно одетой матерью. Конечно, как всегда, стоит мне подумать об этом, чувство вины возрастает до небес. Мне не должно быть стыдно за свою собственную семью, даже если они с этими варанами на головах. Они через многое прошли ради меня! Например, сокрыли настоящее убийство. Самое меньшее, что я могу сделать, это притвориться, что мне нравятся их отвратительные наряды.

Но не успеваю я ничего сказать, как Яньян вскрикивает:

– Ладно, очередь Яньяна! – И срывает с меня плед.

Вся семья ахает при виде моего платья.

– Вау, хорошо, очень хорошо, – говорит вторая тетя.

– М-м, мне нравится, – соглашается четвертая тетя. – Сексуально, но не распутно.

Я поворачиваюсь к ма.

– А ты что думаешь?

Мама смахивает слезы с глаз.

– О Мэдди, – ее голос прерывается, и она берет меня за руки.

Чувствуя ком в горле, я киваю ей сквозь слезы.

– Да, такая хорошенькая, такая красивая невеста, – говорит старшая тетя, нежно похлопывая меня по щекам. Я улыбаюсь ей в ответ. Варан на ее макушке ухмыляется, смотря на меня сверху вниз. – Ты произведешь фурор в Оксфорде.

Ну, кое-кто из нас точно произведет. При одном лишь упоминании об Оксфорде у меня в животе начинают порхать бабочки. А все благодаря книге «Гарри Поттер и философский камень», которую я открыла для себя в десять лет. Когда мы с Нейтаном навещали его семью много лет назад, он взял меня с собой на экскурсию по Оксфордскому университету. После этого моя любовь к этому великолепному городу стала еще сильнее. Поэтому, когда Нейтан предложил провести свадьбу в одном из старейших и крупнейших колледжей Оксфордского университета Крайст-Черч, я, ни секунды не раздумывая, согласилась. Крайст-Черч с его пышными садами и великолепным собором – это идеальное место для проведения свадьбы. Я думала, что мама и тетушки будут против, но, когда я сообщила им об этом, они буквально запищали от радости, особенно когда мы предложили оплатить их билеты на самолет. И, как бы ужасно это ни звучало, у свадьбы в Англии есть одно дополнительное преимущество: мне не придется приглашать остальных членов моей огромной семьи.

Не то чтобы я их не люблю, просто их так много. Помимо кучи двоюродных братьев и сестер со своими семьями, есть еще и двоюродные братья и сестры моей мамы и их семьи. Недаром же на китайско-индонезийских свадьбах собираются, как правило, тысячи гостей; все друг другу родственники, и, если вы вдруг не пригласите двоюродного брата супруга вашей двоюродной сестры, это будет Великая Обида. Целые поколения семейных распрей произошли из-за того, что как-то раз дядя не пригласил тестя шурина своего двоюродного брата на свадьбу дочери. А устраивая выездную свадебную церемонию, мы можем просто сказать остальным членам семьи, что не хотим их напрягать и заставлять тратить тысячи долларов на поездку до

Англии, только чтобы посмотреть, как я выхожу замуж. В конце концов, единственными родственниками с моей стороны на свадьбе будут мама, тети и пара-тройка двоюродных сестер. Боже, какое же это облегчение. Ни один из сыновей моих тетюшек не приедет. Мы созвонились с ними по видео и, обсудив все, пришли к выводу, что тетюшки будут чересчур эмоциональными, поэтому, дабы никому из братьев не вынесли мозг, лучше, чтобы их там не было. Облегчение на лице двоюродного брата Гуччи было настолько явным, что я не смогла удержаться от смеха и даже сделала скриншот, чтобы в случае чего было чем его шантажировать в будущем. Они пообещали, что мы отпразднуем с ними отдельно, когда в следующий раз соберемся всей семьей. Но каким-то образом, благодаря многочисленным деловым партнерам Нейтана, у нас все равно получилось более двухсот гостей, поэтому, как этого и хотели мама и тетюшки, у нас будет пышная свадьба.

Ма машет рукой перед моим лицом.

– Эй, Мэдди, ау, ты вообще с нами, а?

Увидев ее варана, я моментально возвращаюсь к реальности. Ох уж эти вараны, Господи прости.

– Что такое, ма?

– У нас для тебя сюрприз, – произносит она с явным ликованием.

О-о-о. Последний сюрприз от моей мамы отправился в мир иной. Ну, вернее, я его туда отправила.

– Эм. И что же это? – спрашиваю я с диким беспокойством.

– Свадебные организаторы! Мы подобрали идеальный вариант для тебя.

– Что? Но... – В моей голове проносится миллион мыслей. Но больше всех слышится детский вопль: *«Это моя свадьба! Я хочу сама решать, кого нанимать!»* Но, прежде чем успеваю его заглушить, я кое-что осознаю: ма никак не могла найти свадебных организаторов. Единственные организаторы, которых она знает, это, ну, собственно, мы сами. – Ма, я же говорила тебе, что хочу, чтобы вы все были там в качестве гостей, а не организаторов.

– Так мы и не будем организаторами, – говорит старшая тетя, отмахиваясь от меня, как от комара. – Как это возможно? Тем более в таких нарядах?

Хм. Может, все-таки стоит попросить их организовать мою свадьбу? Все что угодно, лишь бы избавиться от этих варанов.

– Я говорила тебе, что Мэдди захочет сама найти свадебных организаторов, как обычная невеста, – произносит четвертая тетя, отрываясь от любования собой в зеркале. – Верно, Мэдди?

Взгляд, которым ма стреляет в нее, мог бы запросто расплавить пластик. Черт возьми, почему это сказала именно четвертая тетя? Мне никак нельзя с ней соглашаться. Мама посчитает это предательством, а я не могу с ней так поступить.

Затем ко мне приходит еще одно осознание: как они смогли найти каких-либо организаторов в Англии? Они ничего не смыслят в Интернете. Хотя моя мать несколько месяцев с фейковой странички окучивала парня как бы от моего имени.

– Ну, что думаешь, Мэдди? – спрашивает ма с искренней надеждой в глазах. Старшая тетя и вторая тетя пристально смотрят на меня. Даже четвертая тетя глядит на меня в отражении зеркала.

– Я не могу согласиться, не зная, кто они и чем занимаются. Ну, мы с Нейтаном вроде тоже искали организаторов...

– Ох, конечно, я не жду, что ты согласишься сразу же нанять их, – отвечает ма, махнув мне рукой. – Ты ведь не думаешь, что я настолько безрассудная, чтобы ожидать, что ты просто согласишься, даже не зная, кто они и что? – Ну, вообще-то, да, так я и думаю. Но просто не говорю этого вслух. – Конечно нет. Я очень рассудительная. Естественно, ты сначала встретишься с ними, но я уверена, они тебе понравятся.

– Встречусь с ними? Но они же в Англии, верно?

– Ах, нет. Они здесь. Но без проблем делают выездные свадьбы. И у них семейный бизнес, как и у нас. И, самое главное, они наши родственники!

Я моргаю.

– Родственники?

Старшая тетя кивает.

– Конечно. Невестка двоюродного брата племянницы двоюродной сестры твоей бабушки. Очень близкие родственники.

Я пытаюсь пройти по семейному дереву в своей голове, но сдаюсь после племянницы двоюродной сестры моей бабушки.

– Ну, у них хотя бы есть веб-сайт?

Вторая тетя качает указательным пальцем из стороны в сторону.

– Не нужен тебе веб-сайт. Мы встретимся с ними за дим-сам, и они покажут тебе все свои фотографии.

– Эм. – Полагаю, мне проще согласиться, чтобы они от меня отстали. – Ладно. Но я хочу, чтобы Нейтан пошел с нами, и, если они нам не понравятся, пожалуйста, не...

– Айя, конечно, мы не станем заставлять тебя нанимать их, если они тебе не понравятся, – вскрикивает ма. – Кто мы, по-твоему, такие? Диктаторы, что ли?

– Нет, вы китайские матери, а это ничуть не лучше диктаторов, – бормочу я, с любовью сжимая мамину руку.

– Ой-ой-ой, ты такая смешная. Моя дочь такая смешная. Подожди, вот когда сама станешь матерью, тогда поймешь. Ладно, иди переодевайся. Мы тоже переодеваемся. И отправляемся на встречу.

– Что, сейчас?

– Конечно, сейчас! Если не сейчас, то когда?

Конечно. Я должна была догадаться. И все же я не могу сдержать улыбку, наблюдая за тем, как моя семья выбегает из гостиной, а комодские вараны от каждого их движения со всей дури раскачиваются в разные стороны. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть в зеркало, и просто ахаю от счастья, снова видя себя в этом потрясающем платье. Даже Джондзон нехотя восхищается работой Яньяна. Неужели мне и правда удалось заполучить самое сказочное платье на свете? Эта свадьба будет чудесной.

2

Меньше чем через час я уже жду Нейтана возле нашего любимого ресторанчика дим-сам, в то время как мама и тети заходят внутрь, чтобы встретиться с тем таинственным организатором, с которым, как они решили, мы родственники. На моем лице появляется довольная ухмылка, как только я замечаю Нейтана, пересекающего парковку. Ну, как бы, черт. Он так хорош. И он мой, только мой!

Ладно, успокойся, озабоченная. Полагаю, часть меня реально чувствует себя извращенкой всякий раз, когда я смотрю на Нейтана. Не могу удержаться, чтобы не раздеть его взглядом, что, признаю, реально непристойно. Но серьезно, как я могу этого не делать? Посмотрите на него, какие острые скулы, широкие плечи, мускулистые руки. А эти грудные мышцы и...

– Ты снова выглядишь возбужденной, – говорит он.

– Я просто хочу уже съесть...

– Меня?

– Иу, фу. Но в принципе не отказалась бы.

Я вдыхаю его запах, когда он наклоняется и скромно чмокает меня в щеку; в ресторанчиках дим-сам в основном проводят время китайские дяди и тети, которые с презрением смотрят на каждую молодую пару, и Нейтан знает, что мне некомфортно проявлять свои чувства перед такой публикой. Я могу как-то сексуально пострелять глазами, да. Но вот целоваться – ни за что.

– Слушай, пока мы не зашли внутрь, мне нужно тебе кое-что сказать.

– О-о. – Взяв меня за руку, Нейтан хмурится, и его голос становится грубее. – Это насчет... того случая?

У меня внутри все сжимается. Я ненавижу себя за то, что взвалила это бремя на его плечи. Прошел почти год с тех пор, как ма устроила мне с А Гуаном свидание вслепую, которое закончилось тем, что я и мои тетушки случайно прикончили его. Акцент на слове «случайно». И все бы ничего, но затем тело А Гуана по ошибке попало на свадьбу в отель Нейтана, где из-за серии казусов, причиной которых стали мои тетушки, оно оказалось у алтаря в качестве одного из шаферов. Только лишь волшебное сочетание сообразительности, напускной бравады и чистой случайности позволило нам всем выйти сухими из воды. По сей день я не могу до конца поверить, как нам повезло, что этим делом занимался кто-то вроде шерифа МакКоннелла. Его некомпетентность сыграла жизненно важную роль в том, чтобы в итоге никому не предъявили никаких обвинений.

Несмотря на то, что дело А Гуана закрыли – списали на несчастный случай, – Нейтан все еще беспокоится, вдруг что-то да всплывет и дело откроют снова, а я ненавижу, когда он беспокоится. Нейтан выяснил правду о смерти А Гуана в рекордно короткие сроки и решил помочь нам. Он никогда не пытался упрекнуть меня в том, что влез во все это из-за меня, но я никогда не позволяю себе забывать о том, какой жертвенный поступок он совершил. Я ненавижу тот факт, что ему приходится нести это бремя из-за того, что сделала я.

– Нет, – быстро выдаю я, и Нейтан немного расслабляется. – Моя мама и тети нашли каких-то свадебных организаторов, которые, по-видимому, еще и наши родственники, и они очень хотят, чтобы мы встретились с ними.

– О. И это все? Ты выглядела такой взволнованной, я подумал, случилось что-то действительно плохое.

– Ну, как бы отчасти что-то плохое и случилось, – вздыхаю я. – Я так долго мечтала о нашей свадьбе и с нетерпением ждала возможности вместе с тобой найти подходящих организаторов. На самом деле я не ожидала, что моя семья вмешается и сделает это за нас. Хотя в случае с моей семьей только такого и стоило ожидать.

– Эй, ты чего, иди ко мне. – Нейтан притягивает меня к себе и крепко обнимает, что, несомненно, привлекает внимание всех окружающих. – Все будет хорошо. Твоя мама и тети просто очень нервничают из-за предстоящей свадьбы.

– Я знаю. – Вдыхаю и кладу голову ему на грудь. У меня в голове начинает формироваться идея, и я похлопываю его по груди. – Вау, твои мышцы становятся все больше! Ты, похоже, усердно тренировался. Какой ты у меня мужественный.

Нейтан ухмыляется.

– Я знаю, что ты просто подлизываешься, но мне нравится. Пожалуйста, продолжай говорить, какой я у тебя мужественный.

– Ну, я тут подумала... Вот мы встретимся с этими организаторами...

– Ага, и?

Я провожу пальцем вниз по его груди.

– И, если они нам не понравятся, ты, как настоящий, уверенный в себе мужчина, скажешь моей семье, что мы найдем кого-нибудь другого.

Нейтан усмехается.

– Чтобы я? Сказал «нет» твоей старшей тете? Ни за что. – Я стучаю его по руке, и он смеется. – Мы сделаем это вместе, – говорит он, целуя меня в макушку.

– Ладно, – вздыхаю я. – Что ж, ты готов встретиться с ними?

– Что, сейчас?

– Да, давай дерзай, настоящий мужчина.

– Нейтан пришел, Нейтан! Нейтан! – кричит ма, вскакивая со стула и безумно размахивая руками, пока мы пробираемся сквозь толпу посетителей ресторана.

Нейтан машет ей в ответ, но она продолжает махать и выкрикивать его имя.

– Почему она никогда не радуется моему приходу так же, как твоему? – ворчу я.

– Потому что я, по ее словам, «идеальный образец мужчины».

Я закатываю глаза. Ну, вообще-то я согласна с ма, но Нейтану необязательно об этом знать. С прошлого года моя семья души в нем не чает, как будто он их долгожданный блудный сын, который наконец вернулся. Я переживала, что такое отношение моей семьи отпугнет его, но Нейтан, наоборот, с искренней радостью отнесся к такому вниманию.

Когда мы подходим к ним, я вижу, что за столом сидят не одно, не два и не три новых лица, а...

– Пять организаторов? – шиплю я.

Нейтан сжимает мою руку.

– Все будет хорошо. Мы поужинаем с ними и посмотрим их портфолио, а затем вежливо, но твердо скажем им «нет».

Я делаю глубокий вдох. Я могу это сделать. Я взрослый, черт возьми, человек. Я могу дать отпор своей семье, особенно если речь идет о моей собственной свадьбе. И, несмотря на все шутки Нейтана, я знаю: если что-то вдруг произойдет, он всегда меня поддержит.

Все улыбаются и машут руками, когда мы с Нейтаном подходим к столу и начинаем обходить всех по кругу, чтобы поздороваться. Приветствуем сначала старшую тетю, затем вторую тетю и так далее. Несмотря на то, что я приехала сюда со старшей тетей и остальными, мне все равно нужно еще раз поприветствовать их. После этого наступает время знакомиться с организаторами. Я не совсем так их себе представляла. За столом сидят пожилая женщина, возрастом примерно как старшая тетя, трое мужчин, в диапазоне от тридцати до пятидесяти пяти лет, и молодая женщина, на вид моя ровесница.

Молодая женщина встает и с широкой дружелюбной улыбкой подходит, чтобы пожать руку мне и Нейтану.

– Мэдди, так приятно наконец-то познакомиться с тобой. Я так много слышала о тебе, жду не дождусь твоей свадьбы.

Ее улыбка такая заразительная, что я, не успев опомниться, уже улыбаюсь ей в ответ. Не хочу выглядеть так, словно уже приняла ее с распростертыми объятиями, поэтому гашу свою широкую улыбку до легкой ухмылки. Но потом женщина протягивает мне свою визитную карточку, и в этот момент я понимаю, что нам с ней суждено стать друзьями. Потому что на ее карточке красуется следующая надпись:

СТАФАНИ ВЭЙТИНГ ТАНУВИДЖАЙЯ

Фотограф

Не нужно ждать,

мы сделаем вашу свадьбу такой, как вам нужно!

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы не рассмеяться.

– Кстати, там нет опечатки. Мое имя действительно пишется через «а», – говорит Стафани.

Я встречаюсь с ней взглядом.

– Очень жизненно, я тебя понимаю.

– Я знала, что ты поймешь, Мэделин, – мрачно произносит она. – Когда твоя мама написала мне твое имя, я подумала: «Что ж, я просто должна познакомиться с ней. Она поймет, каково это – жить с именем, которое „неудачно“ пишется».

– Я понимаю! – смеюсь, говорю я. – Правда понимаю, еще как. Боже, бедняжка. Ты наверняка часто слышишь шутки про стафилококк?

– Ага. А если в сочетании с моим китайским именем Вэйтинг? Вообще огонь. «Я жду, когда пройдет моя стафилококковая инфекция». Я слышу такое по меньшей мере пять раз в день.

Мы сидим рядом, но я никак не могу прекратить смеяться.

Старшая тетя прочищает горло, и мы со Стафани замолкаем. Когда все внимание переключается на старшую тетю, она указывает на меня.

– Это Мэдди, невеста, а вот это Нейтан, жених.

Пожилая женщина кивает и улыбается, как очень милая добрая бабушка.

– Вай, такие милые, а. Она родит тебе таких же милых внуков, – говорит она маме. Ма жеманно улыбается, а пожилая женщина продолжает: – Вы должны сразу завести детей, обязательно, не будьте, как эти современные люди в наши дни, которые все ждут чего-то, ждут, а как дожидаются, вместо матки получают сухарик.

– Ама! – начинает ругаться Стафани. Она поворачивается к нам. – Извините. Это моя бабушка, она просто, э-э, она...

Эти чувства неловкости и некоего унижения, которые испытывает Стафани из-за своей семьи, согревают мою душу. Наконец-то есть хоть кто-то, кто действительно понимает, каково это – расти с такой семьей, как моя.

– Не переживай, я все понимаю, – говорю я ей.

– О, вы так правы, – отвечает моя мама бабушке Стафани. – Не знаю, почему современная молодежь тянет с этим, тянет, пока не дождется чуть ли не пожилого возраста!

Нейтан утешительно гладит меня по спине. Я вижу, что он еле сдерживает смех. И рада, что он считает мою ма хотя бы забавной.

– Пожалуйста, поешь, – говорит Стафани, кладя мне на тарелку Хар Гоу.

Я решаю ответить ей взаимностью, поэтому накалываю на вилку Чар Сиу Бао и кладу ей на тарелку. Наши семьи делают то же самое: быстро берут пельмешки и перекладывают их друг другу на тарелки. Это выглядит как некое соревнование, чтобы показать, чья семья более воспитанная. Нейтан уже привык к этому, поэтому с удовольствием присоединяется, угощая старшую тетю самыми большими Сиу Май, а бабушку Стафани – самыми сочными Чунг Фан. При этом все перебивают друг друга, выкрикивая разные фразы вроде «Ох, не обращай на меня внимания, ты ешь, ешь» или «Вай, какой хороший мальчик». Вскоре тарелки у всех наполняются, и соревнование в итоге заканчивается вничью. Зато теперь мы, наконец, можем приступить к еде.

Стафани откусывает маленький кусочек своего бао.

– Итак, вкратце о нашей компании... – Она указывает на свою семью. – Как и у вас, у нас семейный бизнес. Моя ама – свадебный организатор...

– О, вау. – Мне даже не приходится изображать изумление, ведь я и правда удивлена. – Это просто замечательно, танти, – говорю я, используя формальное индонезийское обращение «тетушка». – Организация свадеб – это такое сложное дело, особенно если речь идет о китайско-индонезийских свадьбах.

Бабушка Стафани кивает с явной гордостью в глазах.

– Вы можете называть меня амой.

Называть кого-то другого «бабушкой» кажется предательством по отношению к моей покойной аме. Но в бабушке Стафани есть что-то теплое и родное, поэтому, несмотря на то, что мы только познакомились, мне уже очень хочется называть ее бабушкой.

– Хорошо, ама. – Нейтан улыбается ей своей детской улыбкой. Она улыбается ему в ответ, и в этот момент я понимаю, что мы нашли организатора для нашей свадьбы.

– Ама известна тем, что у нее самый зоркий глаз в нашей индустрии, – говорит Стафани. – Она ни одну деталь никогда не упускает.

– О, это очень важно, – говорит старшая тетя, одобрительно кивая. – Да, в сфере организации свадеб нужно всегда держать ухо востро, потому что и там и тут могут накосячить, надо за всем следить, верно?

Ама кивает и вежливо улыбается.

– В молодости ама увлекалась охотой. Поэтому у нее в прямом смысле острый глаз. Она знает толк в свадебном бизнесе и не упускает ни малейшей детали, так что не волнуйтесь, вы урвали лучшего организатора свадеб, – говорит Стафани.

Я не могу скрыть своего изумления.

– Это так круто.

Ама поджимает губы, как это делают люди, когда пытаются не слишком широко улыбаться, но выглядит это очаровательно.

– А это старший дядя, – говорит Стафани, указывая на мужчину, сидящего рядом с амой. – Он занимается цветами и декором.

– Здравствуйтесь, ом, – приветствую его я. «Ом» по-индонезийски означает «сэр» или «мистер».

Он отмахивается от меня:

– Нет, нет, зови меня просто дядя Джеймс.

– Пишется Д-Ж-Е-М-С, – шепчет Стафани, и мне едва удастся сдержать смешок. – В любом случае старший дядя славится своими букетами из лилий...

– Я тоже славилась такими букетиками! – подхватывает ма. – Пока мой поставщик лилий... – И тут она запинаясь, поскольку, вероятно, осознает, что собиралась сказать. *Пока мой поставщик лилий не отправился на тот свет благодаря моей дочери.*

– Пока она не перешла на пионы, – быстро добавляю я. Сердце бешено колотится.

– О, айя, на пионы, да. – Ма слегка улыбается.

– А можем мы посмотреть фотографии цветочных композиций? – спрашивает Нейтан. Я смотрю на него глазами, полными благодарности.

– Да, конечно. – Стафани достает планшет и открывает галерею, прежде чем подвинуть его к нам с Нейтаном. – Вот, пожалуйста.

Букеты и цветочные витрины оформлены очень искусно и гармонично, в них сохраняется идеальный баланс между цветами ярких и нейтральных оттенков.

– Очень красиво, ом... то есть дядя Джемс, – говорю я. – А у вас есть фотографии букетов с гортензиями? Я просто обожаю гортензии.

На секунду дядя Джемс хмурится, а я как-то съеживаюсь, задаваясь вопросом, не слишком ли требовательна. Да не слишком вроде... Ну, это ведь нормально – попросить сделать свадебный букет со своими любимыми цветами.

– Да, конечно, – вмешивается Стафани, забирая планшет обратно и листая фотоальбом. – Эм, наверное, они не здесь, но я пересмотрю наши старые фотографии дома и отправлю их тебе.

– Хорошо, спасибо.

– В любом случае идем дальше. Второй дядя отвечает за прическу и макияж, – говорит Стафани, указывая на мужчину рядом с дядей Джемсом.

– Дядя Генри, – говорит он, взмахнув мне рукой.

– Только с «д» посередине, – шепчет Стафани. Я не думала, что она сможет понравиться мне еще больше, но ей удалось. Где эта девушка была всю мою жизнь? Она открывает другой фотоальбом и возвращает планшет нам с Нейтаном.

Как я и думала, работы дяди Гендри прекрасны и – не побоюсь этого слова – могут смело соперничать с работами моей второй тети. Как будто услышав мои предательские мысли, вторая тетя встает, и подходит к нам, и, пока мы смотрим фотографии, буквально дышит нам в затылок.

– Вай, вот это да, – молвит она, – у тебя очень хорошо получается вот эта объемная коса, ее ведь очень сложно плести.

Дядя Гендри кивает.

– Да, очень сложно, но я всегда практикуюсь на волосах Стафани.

– М-м, да, я тоже всегда тренируюсь на волосах Мэдди, – говорит вторая тетя, все еще заглядывая в галерею. – О, эта фотография! – Она вырывает планшет у меня из рук и начинает пристально разглядывать фото. – Ты сделал эту фотографию?

Пока дядя Гендри пристально смотрит на нее, воцаряется полная тишина.

– Ну, я... – отвечает он осторожно.

– Ух ты! Я постоянно вижу ее на Pinterest! Она очень популярна. Вау, так, оказывается, это ты мастер, сотворивший такую красоту!

На ее лице читается искреннее восхищение. Она смотрит на дядю Гендри так, будто он только что спас из горящего здания ребенка. Мы с Нейтаном смотрим друг на друга. Он открыто ухмыляется мне и играет бровями. И я понимаю, что мы думаем об одном и том же: «Неужели вторая тетя втрескалась в дядю Гендри?»

Дядя Гендри наконец разрывает зрительный контакт.

– Ай, да брось, это же банально просто.

– Я пыталась понять, как сделать такую прическу. И вот, хоть убей, не могла понять технику, вай, как меня это бесило. Я столько раз пробовала делать ее на Мэдди, но все равно выходило некрасиво. Ты должен научить меня плести такую косу!

Бедный дядя Гендри выглядит так, словно вот-вот выпрыгнет в ближайшее окно. Он не пара моей второй тете. Да вообще любой из моих тетушек на самом деле.

– Кхм, – притворно кашляет старшая тетя. – Пожалуйста, не обращайтесь внимания на мою эр-мэй², она забыла, что такое хорошие манеры, когда попросила вас поделиться коммерческой тайной. Гендри, не обращай на нее внимания, ладно?

Губы второй тети сжимаются в злобной ухмылке, и на долю секунды мне становится страшно, что она прямо здесь набросится на старшую тетю. Или резко встанет в какую-нибудь позу тай-чи. Но потом она выдыхает и улыбается дяде Гендри.

– Простите, моя да-цзе³ права, я переборщила. Конечно, вы не обязаны раскрывать мне свою коммерческую тайну. – С этими словами она возвращается на свое место и делает медленный глоток чая.

В воздухе повисает невыносимое напряжение, поэтому я резко выпаливаю:

– Вторая тетя, я уверена, что второй дядя был бы рад услышать все о фасинаторах с комодскими варанами и о том, как они идеально впишутся в ваши прически.

– А, да, у нас есть традиционные британские шляпы для свадьбы, – говорит вторая тетя.

– Традиционные британские шляпы с комодскими варанами? – шепчет Нейтан.

– Даже не спрашивай, – бормочу я.

– Звучит интересно, – говорит Стафани. – Второй дядя хотел бы взглянуть на них, не так ли, второй дядя?

Второй дядя быстро кивает.

– Да, конечно. Может, я как-нибудь зайду к вам и посмотрю на этих варанов?

Лицо второй тети сияет от счастья. Она вся начинает светиться, как электрическая лампочка.

– Хорошо, можете как-нибудь заглянуть, – отвечает она и улыбается, глядя в свою чашку и явно краснея.

Мы со Стафани обмениваемся взглядами, прежде чем она произносит:

– И последний, но не по важности: третий дядя – наш тамада.

– О, замечательно.

Опять же, мне даже не приходится имитировать восхищение, ведь я искренне удивлена. Тамада на китайско-индонезийских свадьбах – это человек, выполняющий самую сложную работу. По сути, он является голосом свадебного организатора: собирает вместе тысячи гостей и распределяет их в подходящие группы для фотографий, развлекает толпу всякий раз, когда становится скучно, и первым встречает гостей на входе.

Тамада должен быть громкоголосым, представительным, немного наглым, обаятельным и энергичным, и я не знаю, как кому-то удастся сочетать в себе все эти качества.

– Вы можете называть меня просто Фрэнсис. Я еще слишком молод, чтобы называться дядей, – говорит он.

– Нет! – громко выпаливает старшая тетя, что мы аж все подпрыгиваем. – Нельзя называть человека старше тебя просто по имени.

Я беспомощно смотрю на третьего дядю Стафани:

– Как насчет ко Фрэнсис? – «Коко» в переводе с индонезийского означает «старший брат».

---

² Младшая сестра.

³ Старшая сестра.

– Так вполне сойдет. Вы двое должны рассказать мне, как познакомились и все такое. Держу пари, у вас яркая история, услышав которую, я смогу составить лучшую речь на свете.

Ха. Наша история любви, конечно, яркая, только жаль, что это связано не с какими-то милыми моментами, как, например, спасение детенышей выдр, а скорее с тем, что мы вместе погрязли в деле с реальным убийством.

Чем дольше длится наша встреча, тем больше я понимаю, что мне правда очень нравится Стафани и ее семья. Как они могут не понравиться? Они явно такие же чокнутые, как и мы. Как я и ожидала, ее фотографии замечательные: со слегка завышенной экспозицией, прямо как у меня. Все великолепие свадеб она передает при помощи мягких, пастельных тонов.

– Какая у тебя камера? – Я не могу перестать восхищаться ее галереей. Судя по тонам фото, она использует пленочный фотоаппарат. Я всегда хотела попробовать снимать на пленку, но у меня никогда не хватало смелости.

– Такая же, как у тебя, 5D Mark III.

– Правда? Вау. У меня никогда не получались такие пастельные тона на фото. Я сначала подумала, что у тебя 1D.

На мгновение воцаряется тишина, а затем Стафани хихикает:

– Так мило с твоей стороны. Нет, эти фото сделаны не на 1D.

– Что ж, я под впечатлением. Научишь меня потом, как сделать на 5D такую однородную картинку.

– Угу, конечно! – Она берет свиное ребрышко и кладет его мне на тарелку.

Если я не буду в ответ подкладывать ей еду или, скорее, «наносить ответный удар едой» – у нас ведь соревнования, кто лучше воспитан, – ма потом вставит мне по самые не хочу за то, что грубо себя вела.

– Перестань это делать. Тыставляешь меня в плохом свете. – Я откладываю планшет и кладу ей на тарелку Хар Гоу.

Стафани усмехается.

– Как еще я могу показать всем, что моя ама хорошо меня воспитала? Кроме того, я действительно просто хотела съесть еще чего-нибудь, а если положу еду только себе, ама скажет, что я опозорила семью.

Я смеюсь, потому что все, о чем она говорит, очень мне знакомо, и я понимаю ее как никто.

– Ладно, ты будешь говорить мне, какие блюда хочешь, а я буду говорить тебе, какие хочу я.

– Договорились.

Пока наши семьи болтают друг с другом, мы со Стафани накладываем друг другу на тарелки всевозможные закуски. К концу встречи я понимаю, что, несмотря на прошлые ошибки и недопонимания, в первый раз мама и тети действительно сделали что-то правильно и выбрали идеальных организаторов для моей свадьбы.

3

Пять месяцев спустя

– Господи, четвертая тетя, что у тебя здесь? – ворчу я, таща огромный чемодан.

– Труп. Ха-ха, шучу, – добавляет она, но шутку я не оцениваю. Тетя хватает свою ручную кладь – коричневый чемоданчик, весь покрытый инициалами LV.

– Ай, Мэдди, будь осторожна с ним, пожалуйста. Это Louis Vuitton!

Я бросаю на нее взгляд. Семейный бизнес приносил немалый доход в течение последнего года, и чисто технически они могут позволить себе любую вещь от Louis Vuitton, но я слишком хорошо знаю свою семью. Они точно не стали бы тратить десятки тысяч долларов на настоящие люксовые вещи.

– Это оригинальный Louis Vuitton, четвертая тетя?

Она долго не отвечает.

– Это копия класса люкс, ничем не хуже оригинала! Он обошелся мне в две тысячи долларов, ясно? Ты можешь поехать с ним в Париж, но даже сами французы не поймут, что это подделка.

В Индонезии подделки подразделяются на разные классы качества. Большинство вещей класса люкс привезены из Южной Кореи, изготовлены из натуральной кожи и сшиты настоящими кожевниками. Вещи премиум поставляются в основном из Китая, а эконом производится в Юго-Восточной Азии: Индонезии, Бангалоре, Вьетнаме и так далее. Эконом обойдется вам максимум в несколько долларов, но при этом вы, скорее всего, столкнетесь с коззамом и кривыми логотипами Prata и Bluberry. Люкс стоит примерно в четыре раза дешевле оригинала. Все равно дорого, но тем не менее уже более доступный ценник, плюс вещи такого класса практически невозможно отличить от оригинальных. У них даже есть сертификаты подлинности.

Ма насмешливо фыркает, глядя на чемоданы четвертой тети.

– Вот почему ты никогда не сможешь разбогатеть, ты тратишь деньги на всякую ерунду типа этого. Старшая сестра учит нас другому, она учит нас экономить деньги.

Ну вот, опять двадцать пять. Я уже готовлюсь к какой-нибудь ехидной реплике от четвертой тети, но она молчит. Вместо этого просто ухмыляется маме и неторопливо уходит искать тележку.

Раздается сигнал автомобиля, и на такси подъезжают старшая и вторая тети. Я здороваюсь с ними, когда они выбираются, затем подхожу к багажнику, чтобы помочь с их багажом, и...

О нет.

Неудивительно, что четвертая тетя не огрызнулась на маму, потому что багажом старшей и второй тети служат такие же чемоданы Louis Vuitton. С тем же успехом они могли просто вонзить моей маме нож в сердце.

– Такие красивые, да? – спрашивает вторая тетя. – Это копии...

– Класа люкс, да, я знаю, – выдаю я, вытаскивая один из чемоданов. – Как так получилось, что у вас всех, кроме мамы, одинаковые чемоданы?

Вторая тетя моргает и замирает. Старшая тетя, вернувшись с тележкой, вдруг рывкает:

– Эй, ты чего там застыла, как статуя? Подойди помоги.

– У Натаси не такие чемоданы, как у нас, – наконец произносит вторая тетя. Вау, никаких язвительных реплик в адрес старшей тети. Вторая тетя, должно быть, действительно волнуется.

Старшая тетя замолкает, затем, тяжело вздохнув, произносит:

– Когда Мими попросила нас купить такие же чемоданы, мы должны были догадаться, что она не скажет об этом Нат. Ай, ай. Нат точно очень расстроится.

Вот черт. С моей стороны было наивно полагать, что спокойствие и мир, наступившие после всей этой чертовщины с А Гуаном, продлятся долго. Все было так хорошо, но теперь, похоже, вернулись старые обиды. Но, даже учитывая тот факт, что ма и четвертая тетя и раньше никогда идеально не ладили, это все же был удар ниже пояса.

Как только я об этом думаю, ма подбегает с другой тележкой.

– Иди клади свой багаж сюда... ох. – Она замирает и молча смотрит на чемоданы. – У вас у всех чемоданы Louis Vuitton? – Она произносит это так тихо, что мне хочется подбежать и крепко обнять ее.

Старшая и вторая тети пристально смотрят на четвертую тетю.

– Ты не сказала Натасе, что мы все купили одинаковые чемоданы?

Четвертая тетя избегает зрительного контакта с нами.

– Разве я не сказала? Должно быть, забыла.

– Как ты могла забыть такую важную вещь? – огрызается ма.

Тут я правда на стороне мамы, но мне все равно приходится приложить немалые усилия, чтобы не закатить глаза. Потому что по моей шкале важности покупка одинаковых чемоданов стоит на... да на нулевом уровне или вообще не входит в шкалу, потому что для меня это абсолютно не важно. Но, может быть, так потому, что я единственный ребенок в семье и не росла, постоянно воюя со своими сестрами.

– Не переживай, ма, ты можешь заказать такой же комплект чемоданов, когда мы вернемся.

– Но мы никогда не путешествуем! – вскрикивает мама. – Это был мой единственный шанс купить вместе с семьей комплект одинаковых чемоданов, но теперь он упущен!

– Вы, ребята, возвращаетесь в Джакарту раз в год, – замечает я.

– Это не путешествие.

– Если двадцатитрехчасовой перелет на самолете не считается путешествием, тогда я не знаю, что считается.

Ее ноздри раздуваются, и даже старшая тетя отступает от нее на шаг, но в этот момент раздается сигнал автомобиля, и рядом с нами останавливаются две машины. Одно из окон опускается, и оттуда, ухмыляясь нам, высовывается Стафани. Вот и спасение! Я подбегаю к ней.

В течение последних нескольких месяцев, когда мы с Нейтаном проходили через мучительный процесс планирования свадьбы, Стафани была нам незаменимым помощником. Она позаботилась о регистрации в окружной ратуше Оксфорда, чтобы мы документально оформили наш брак, помогла нам найти идеального кондитера для свадебного торта и даже забронировала для моей семьи номера в отеле.

– Я так рада, что ты здесь! – Я крепко обнимаю ее.

Стафани как-то напрягается, и тут я начинаю сомневаться. Может, мне не стоило ее обнимать, может, это выглядело странно? Может, она видит во мне только клиента, а не друга? Но потом она обнимает меня в ответ, и все мои переживания уходят прочь. Когда мы заканчиваем с обнимашками, я приветствую всех членов ее семьи, начиная с бабушки и заканчивая третьим дядей, в то время как Стаф таким же образом приветствует мою семью. Я не могу не заметить, что вторая тетя тут же подбегает ко второму дяде, чтобы сказать, как ей нравится его поясная сумка. Я также не могу не заметить, что она покрасилась ярче, чем обычно.

– Ты не забыл захватить наши шляпы, а? – интересуется вторая тетя.

– Конечно, – отвечает с улыбкой второй дядя.

– Ты отдала ваши фасинаторы второму дяде? – спрашиваю я.

– Да, он сказал, что пришьет к ним побольше заколок, чтобы они крепче держались на голове, – говорит вторая тетя.

– Да, я уже пришел. Они полностью готовы. Во время свадьбы они будут держаться на вашей голове очень крепко, я гарантирую.

Вторая тетя чуть не падает в обморок от этих слов. Интере-е-есенько. Мы со Стаф встречаемся взглядами и улыбаемся друг другу, прежде чем пойти и привезти еще тележек.

– Жду не дождусь нашей поездки! – говорит она. – У вас тут все хорошо?

– Ты приехала как раз вовремя, – шепчу я. – Мама и тети чуть не начали Третью мировую войну, и все из-за каких-то чемоданов.

– Уф. – На лице Стаф появляется сочувствующее выражение. – Отлично тебя понимаю. Мои дяди спорили, у кого из них перевес багажа и кто должен выложить часть своих вещей.

Так или иначе, мне становится чуть легче от ее слов, и я дико благодарна Стафани за то, что она сейчас здесь со мной.

Когда мы возвращаемся с тележками, наши семьи мило болтают друг с другом. Никаких признаков того, что всего несколько минут назад мы чуть не начали ядерную войну; теперь она вежливо смеется над тем, что рассказывает ей третий дядя Стафани. И только лишь испепеляющий взгляд, которым она время от времени одаривает четвертую тетю, выдает ее истинные чувства. Она не собирается спускать ей это дело с рук.

– Похоже, твоя мама смирилась и успокоилась, – говорит Стаф.

Я фыркаю.

– Нет, она просто ждет подходящего момента, чтобы отомстить четвертой тете. У твоих дядей то же самое? Они так же вечно нападают друг на друга?

– Хм, да между ними постоянная борьба, потому что каждый из них хочет доказать, что он настоящий мужик, самый сильный, самый мужественный и все в этом духе. Вон смотри. – Она кивает в их сторону, когда мы подходим с тележками ко всем остальным. Как по команде, три ее дяди набрасываются на чемоданы и начинают грузить их на тележки.

– Дай я понесу! Ты уже старый, у тебя потом спина разболится!

– Хах, это я старый? Да я еще ого-го-го, в сто раз сильнее тебя!

– Ты сейчас колесо сломаешь! Вези тележку, как нормальный человек!

Мы с семьей, разинув рты, наблюдаем, как трое мужчин возятся с багажом, создавая для себя гораздо больше работы, чем есть на самом деле.

Наконец, когда все чемоданы уложены, мужчины, тяжело дыша, отступают назад. Они все, как один, выжидающе смотрят на аму.

Ама кивает:

– Очень хорошо, вы все хорошие мальчики.

Дядюшки расплываются в улыбках.

Так вот каково это, когда в семье все еще жива бабушка? Я думаю, у нас эту роль выполняет старшая тетя. Между ней и остальными ее сестрами такая большая разница в возрасте, что все они относятся к ней как к матери, уважают ее и всегда прислушиваются к ней. Ну, все, кроме второй тети, конечно. Не успеваю я об этом подумать, как старшая тетя берет аму под руку, и две седовласые женщины начинают ковылять к зданию аэропорта. Мы со Стафани берем по тележке и выдвигаемся в том же направлении.

– Нейтан и твои друзья тоже в предвкушении этой поездки?

– Ага! Мои лучшие друзья, Селена и Себ, вылетают завтра. Нейтан будет здесь примерно через час. У него в последний момент появились какие-то срочные дела.

– Ну, а мы по какой-то непонятной причине приехали на четыре часа раньше.

– Очень даже по понятной причине. И эта причина – старшая тетя.

– А мне кажется, эта причина – моя ама. – Мы ухмыляемся друг другу.

Зайдя в терминал, мы усаживаем старших, собираем у всех паспорта и отправляемся к стойке регистрации. Когда мы проверяем номера своих мест, женщина за стойкой указывает на листок бумаги:

– На всякий случай ознакомьтесь со списком предметов, запрещенных к перевозке на борту самолета.

Я автоматически киваю и начинаю просматривать список. Оружие – нет. Колюще-режущие предметы – нет. Легковоспламеняющиеся жидкости – нет. Электроприборы со встроенными аккумуляторами – нет. Конечно, я не брала ничего из этого с собой в аэропорт, я...

Электрошокер.

Ныряя рукой в сумочку, где лежит мой старый добрый друг электрошокер. Мысль о том, что придется оставить его здесь и отправиться в другую страну без него, вызывает у меня тошноту. Я сразу вспоминаю о том первом и единственном разе, когда мне пришлось им воспользоваться. Вспоминаю тот момент, когда А Гуан задержался, как свинья на веревке. Автомобильную аварию. И все ужасные, омерзительные вещи, которые произошли потом.

– Все в порядке, Мэдди? – спрашивает Стаф.

Я молча киваю, а затем качаю головой.

– Эм. Мне надо... Сейчас вернусь. – Я хватаю пачку паспортов, но из-за сильно вспотевших ладоней они чуть не выскальзывают. Крепко сжимаю их в руках и отхожу от стойки, не зная, что делать дальше. Может, я смогу переложить электрошокер из ручной клади в багаж? Так можно, или это все равно будет нарушением?

– Что случилось? – обеспокоенно спрашивает Стаф, догоняя меня. – Пойдем в туалет. – Она забирает у меня паспорта и, не дожидаясь ответа, тянет меня за собой.

Зайдя в туалет, она отрывает салфетку, смачивает ее под краном и протягивает мне.

– Протри лицо. Это поможет.

Я прикладываю холодную влажную салфетку ко лбу, закрываю глаза и начинаю глубоко дышать. Через некоторое время открываю глаза и смотрю на Стаф.

– Прости. Я в порядке.

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я включаю воду и умываю лицо.

– Нет, это глупо. – Я открываю сумку и достаю электрошокер. Мое сердцебиение учащается вдвое. Ненавижу эту штуку, но также не могу без нее.

– Я... я только что поняла, что не смогу взять с собой это.

– Это электрошокер? – спрашивает Стаф, протягивая руку.

– Да. – Я протягиваю его ей и наблюдаю за тем, как она вертит его в руках.

– Ха. Я хотела купить такой, но передумала, потому что все же предпочитаю перцовые баллончики. – Она возвращает его мне. – И да, я практически уверена, что ни баллончики, ни шокеры нельзя проносить на борт самолета.

– Знаю. Я должна была раньше об этом подумать, но меня постоянно что-то отвлекало, поэтому...

– У тебя сейчас столько забот. Можно что-то и забыть, это нормально, не переживай.

– Ну, дело не только в этом. – Я прислоняюсь к раковине и провожу пальцами по угловатым краям электрошокера. – Эта штука, она спасла мне жизнь. Типа, в буквальном смысле спасла мне жизнь.

Стафани выпучивает на меня глаза.

– Ого.

– Да. Я была на свидании, и парень попытался... эм. – Я слишком много рассказываю. Мне стоит остановиться.

– О боже. Мне так жаль. – В ее глазах застывает ужас.

– Все в порядке. Ничего не произошло. Мне просто... мне удалось сбежать. – Мои мысли невольно возвращаются к худшей ночи в моей жизни. Я спаслась лишь потому, что ударила нападавшего электрошокером, а позже он умер... но уже по другой причине.

– Тем не менее. Пройти через такое – это просто ужасно. Я сама однажды была в подобной ситуации. Еще в колледже пошла на вечеринку и... да, все немного вышло из-под контроля. К счастью, у моего двоюродного брата был с собой дезодорант. Знаешь, он действует почти так же эффективно, как перцовый баллончик, особенно если попасть им прямо в глаза.

– Вау, повезло, что твой брат был там.

Улыбка исчезает с лица Стафани.

– Да. Мы были очень близки. Он был моего возраста.

– Был? Мне... мне так жаль.

– Все в порядке. Как бы то ни было, с тех пор я не выхожу из дома без своего перцового баллончика. Ну, вот только сегодня не взяла. Представляешь, в Англии нельзя использовать баллончики, это незаконно. Но я положила с собой в багаж флакон от духов, наполненный спиртом и кайенским перцем. Вот что я тебе скажу: когда приедем в Англию, первым делом купим пустой баллончик с распылителем, и я отолью тебе половину.

– О нет, я не смогу принять твой самодельный перцовый баллончик.

Стаф смеется.

– Еще как сможешь. Мне все равно будет много целого флакона. А ты что думала? Я собираюсь запшикать все мужское население Англии? Если говорить серьезно, то думаю, что не сделаю ни единого пшика из этого баллончика, и потом эта жидкость все равно потеряет свою силу, и мне придется его выбросить.

– Ладно, – неохотно соглашаюсь я. – Спасибо. Мне уже лучше.

Ха. Мне правда лучше. Кто бы мог подумать? Я крепко сжимаю ее руку.

– Я так рада, что мы друзья. – Это так странно, фактически мы знакомы всего пять месяцев, но такое ощущение, будто целую вечность.

– Я тоже рада, – отвечает Стафани. – А теперь давай сдадим твой электрошокер, пока сотрудники управления транспортной безопасности сами его не нашли и не арестовали тебя.

4

Нейтан успевает приехать всего за десять минут до окончания посадки. Он запыхавшийся, со взъерошенными волосами, но все равно выглядит великолепно.

– Айя, наконец-то ты приехал, – ворчит ма, похлопывая его по плечу с явной любовью. – Самолет почти улетел без тебя. Мы сказали им, что должны дождаться жениха, но они сказали, что не могут ждать.

Это правда. Моя мама и тети, стоя у выхода на посадку, в течение последних тридцати минут по очереди сообщали представителям авиакомпании, что они, возможно, не смогут начать посадку пассажиров, потому что Нейтан еще не приехал. Неудивительно, что они оказались не такими понимающими, как ожидала моя семья.

– Да, теперь мы пойдем скажем им, что они должны поторопиться и начать посадку, мы все здесь, так что невежливо заставлять пассажиров ждать, – говорит старшая тетя. Она направляется к сотрудникам авиакомпании, и те заметно отступают назад, когда видят, что она идет к ним. Бедняжки. Я их не виню.

Я улыбаюсь Нейтану.

– Я рада, что ты успел.

– Прости, что так долго. Встреча длилась целую вечность. Правление несколько обеспокоено моим отъездом на неделю. – Он слегка приобнимает меня. – Ну, вам хоть понравилась лаундж-зона?

Ах да, лаундж-зона. Это первый раз, когда кто-либо из членов моей семьи, включая меня, получил возможность полететь первым классом. Стаф и ее семья летят экономом, и я изначально думала, что до посадки мы останемся с ними в обычном зале ожидания, ну, может, парочку сэндвичей только захватим, но Стаф практически запихнула меня в лаундж-зону первого класса и сказала, чтобы я наслаждалась привилегиями. Я не знала, как выглядят лаундж-зоны в аэропортах, но всегда думала, что это унылые маленькие залы ожидания. Но когда мы вошли туда, моя мать и тети пришли в неописуемый восторг, и я их прекрасно понимала.

Нашему взору открылся каскадный водопад, который заглушал обычные шумы аэропорта, а за небольшой перегородкой нас ожидали огромный бар с напитками и просто громаднейший – наверное, больше, чем моя жизнь, – шведский стол, уставленный тигровыми креветками и икрой. Ма и тетушки завопили и бросились напрямиком к креветкам, а я отправилась искать для нас столик. Потом были душевые. Опять же, никогда не думала, что когда-нибудь захочу принять душ в аэропорту, но эти душевые были просто прекрасны: блестящий мрамор, насадки для душа с эффектом тропического дождя и большие мягкие полотенца.

– Четвертая тетя выпила слишком много вина, – шепчу я Нейтану, указывая на четвертую тетю, которая спит в одном из кресел с открытым ртом. Как обычно, на нее пялятся люди, правда, не знаю, делают они это из-за ее храпа или из-за ее сегодняшнего наряда: на ней блестящее изумрудного цвета платье, неоново-оранжевый шарф и солнцезащитные очки в тон платью.

С явным облегчением представительница авиакомпании у выхода берет микрофон и объявляет:

– Начинается посадка на рейс 382, направляющийся в Лондон, аэропорт Хитроу. Первыми на посадку приглашаются пассажиры первого и бизнес-класса. – Не успевает она договорить, как старшая тетя и ма уже начинают пробиваться вперед чуть ли не напролом.

Вторая тетя тыкает четвертой в голову и, когда реакции не следует, начинает грубо трясти ее, крича:

– Эй, си мэй, просыпайся! Мы уже идем на посадку!

Я бросаю на Стафани взгляд сожаления. Она и ее семья, должно быть, думают, что мы пещерные люди, но они в тот момент заняты тем, что разбираются с многочисленной ручной кладью, паспортами и кучей закусок и напитков, которые они купили до зоны досмотра. Что ж, по крайней мере, они не видят всего этого шоу.

Четвертая тетя наконец просыпается и испуганно подскакивает с кресла.

– А? Да, уже иду! – Поправив шарф, она хватает свой (копию класса люкс) чемодан Louis Vuitton и направляется к выходу, в то время как оранжевый шарф эффектно развевается у нее за спиной.

– Ну что, пошли? – спрашивает Нейтан.

Я киваю, собираю свои вещи, и мы вместе отправляемся на посадку.

Первый класс! Даже стандартные выходки моей семьи не смогли лишить меня волшебства этого момента.

– Добрый день, мисс Чен, добро пожаловать на борт, – произносит стюард с приятным английским акцентом. – Могу я показать вам ваше место?

Может ли он? Конечно, может! Я улыбаюсь и следую за ним в салон, где расположены ряды красивых коричневых кожаных сидений просто громадного размера. Великолепно.

– Вот ваше место, и я могу вам предложить теплый...

– Доброго дня. Эй, здравствуй, дорогуша! – раздается на весь самолет безошибочно узнаваемый голос старшей тети. Клянусь, буквально каждый в салоне останавливается, чтобы посмотреть на обладателя этого голоса.

Мы с Нейтаном замираем, а затем слегка приподнимаемся, чтобы увидеть старшую тетю, уютно устроившуюся в одном из огромных кресел и машущую стюардессе. Та подходит к ней с озадаченной улыбкой.

– Да, мисс Чен? Чем я могу вам помочь?

– Ах да, дорогуша, – произносит старшая тетя со своим странным, просто ужасным новым акцентом, от которого мне хочется вонзить себе нож прямо в мозг. – Можно мне чашку горячего чая? Спасибо, дорогуша.

К ее счастью, стюардесса не проявляет никаких лишних эмоций. Она просто улыбается и отвечает:

– Конечно. Ваш чай уже на подходе.

– Тудл пип, чаошеньки!

Я в панике поворачиваюсь к Нейтану.

– Мне кажется, у нее инсульт.

Он смеется и кладет наши сумки на полку.

– С ней все хорошо.

Я спешу к месту старшей тети и сажусь рядом с ней.

– Привет, старшая тетя. – Будь осторожна, Мэдди. Это все еще старшая тетя, хотя, по-видимому, какой-то сумасшедший британский пришелец пробрался к ней в голову и завладел ее языком.

– Ах, Мэдди, Нейтан! У вас все хорошо? – спрашивает старшая тетя.

– Не так, – ворчит ма с соседнего сиденья. – Ты должна сказать: «Все в порядке, Нейтан, дорогой?»

Старшая тетя неохотно кивает, а затем поворачивается к нам и спрашивает:

– Все в порядке, Нейтан, дорогой?

Моя улыбка практически превращается в гримасу.

– Что происходит? Почему ты так разговариваешь?

– Сюрприз! – вскрикивает ма. – Мы все брали уроки британского английского!

Старшая тетя кивает с явной гордостью.

– Да, мы сделали это, чтобы вы не краснели потом из-за нас и нашего английского, – добавляет вторая тетя с заднего ряда.

В тот момент до меня доходит, почему в течение последних нескольких месяцев мама и тетушки больше говорили на английском, чем на китайском или индонезийском. Я заметила это несколько недель назад, но не придавала этому значения. Теперь понимаю, что они готовились к этой поездке, чтобы им было удобнее говорить на британском сленге. Мне одновременно и приятно, и стыдно: собственно, как и всю жизнь. Ну, то есть тот факт, что они пошли на все это, невероятно мил, но в то же время просто... черт!

– Говорите за себя. Я согласилась на это только для того, чтобы произвести впечатление на принца Гарри, – выдает четвертая тетя. – Без обид, Мэдди. Но я здесь только ради Гарри.

– Он женат, потаскушка ты этакая! – огрызается ма. – Женат на милой девушке, очень хорошей девушке, не такой, как ты.

– Кто знает, может, они будут не против открытого брака.

Лицо ма приобретает легкий оттенок фиолетового, но, прежде чем она успевает произнести хоть слово, я быстро выпаливаю:

– Это очень мило с вашей стороны, но не думаю, что британский акцент так необходим. Спасибо, что брали уроки, это очень круто! Но я предпочитаю, когда вы говорите со своим обычным акцентом.

Я толкаю локтем Нейтана, и он быстро кивает в ответ.

– Да, Мэдди права. Ваша обычная речь и так хороша. Даже великолепна.

– О, помилуй Бог, – произносит ма, нежно улыбаясь Нейтану.

– Ну, «помилуй Бог» – это уже слишком, – говорю я сухо.

– Мэдди, не будь такой паскудкой, а, – выпаливает вторая тетя.

Брови Нейтана буквально встают домиком.

– Ты только что назвала меня «паскудой»?

– Не паскудой, а паскудкой, это типа злой человек, который всегда паскудит или попросту портит хорошее времяпрепровождение.

– Это не... Вторая тетя, слово «паскудка» недалеко ушло от «паскуды», так что это такое себе словечко, неприятное, мягко говоря.

– Да нет, смотри, я все записала в свой блокнот, хм, где же это... – Она достает свою записную книжку и начинает листать страницу за страницей написанного от руки британского сленга, все время бормоча что-то себе под нос. – Хер... нахер... похер...

– Перестань говорить слова с корнем «хер», вторая тетя, – умоляю я.

– Ну, это же всего лишь овощ такой, типа хрен.

– Хрен, да, а вот хер – это далеко не овощ, – говорит Нейтан, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

– Тогда что это? – спрашивает вторая тетя.

В этот момент, кажется, весь самолет застыл в ожидании ответа. Нейтан начинает колебаться.

– Эм. Это... эм. – И вот, наконец, спустя бесконечно долгие мгновения, Нейтан бормочет:

– Да, вы правы, хер – это растение такое, ну или овощ. – Чертов трус.

Вторая тетя, старшая тетя и ма кивают в знак согласия. Четвертая тетя лишь ухмыляется. Я направляюсь к своему месту и тащу Нейтана за собой. Как только мы добираемся до наших мест и нас точно никто не может услышать, я предлагаю ему:

– Давайте сойдем с самолета. Пока не поздно, двери все еще открыты.

Нейтан хлопает меня по плечу.

– Все будет хорошо.

– Нейтан! Они разговаривают, как коренные британцы низших слоев общества, как какие-нибудь гопники!

– Я уверяю тебя, они звучат совсем не так, как коренные британцы.

– Я знаю! Но они думают, что звучат, как коренные британцы. И при этом продолжают ругаться. Что, если они назовут твою маму паскудкой и скажут твоему отцу сходить на хер?

Нейтан еле сдерживает смех.

– Ну, слушай, это было бы забавно.

Я ударяю его по руке достаточно сильно, отчего он даже вздрагивает.

– Для тебя, может быть, и забавно. А я со стыда сгорю. Господи, это просто ужасно.

– Ну не так уж и ужасно. Ты из-за чего-то еще переживаешь?

Я делаю глубокий вдох.

– Я боюсь, что твои родители поймут, что члены моей семьи сумасшедшие, и убедят тебя отменить свадьбу.

Нейтан смеется.

– Мэдди, все будет хорошо. Мои родители знают, что могут быть некоторые недопонимания в разговоре из-за разницы языков. Но они любят тебя. Поэтому и твою семью полюбят так же сильно, как люблю ее я. Я обожаю твою маму и твоих тетюшек, и ты это знаешь.

Я вздыхаю и опираюсь на его крепкое плечо.

– Знаю. Хотя никогда не могла понять, как ты можешь их любить. Ты же знаешь, что они безумные, да?

– Безумно классные. Поверь мне, они сразу понравятся моей семье.

Я закрываю глаза, пытаюсь поверить его словам. Но почему-то всякий раз, когда пытаюсь представить встречу его знатной чопорной семьи с моей семейкой фриков, я вижу полную катастрофу, а не встречу. Уверена, в какой-то момент Нейтан поймет, что моя семья и я – это какое-то фрик-шоу, и решит сбежать, пока не стало слишком поздно. И тогда этот прекрасный сон превратится в кошмар, а я останусь одинокой, раздавленной грузом семейной вины и, что хуже всего, без Нейтана в моей жизни.

5

Несмотря на невероятно мягкие сиденья, я не могу уснуть весь полет, потому что мысль о том, что моя семья встретится с семьей Нейтана, нагоняет на меня дикую панику. Два раза, когда я уже почти засыпаю, кто-то из них снова начинает говорить со своим убогим акцентом что-то вроде: «Эх, сан мэй, вай, я не отказалась бы от чашечки хорошего чая, а ты?» После этих фраз я моментально чувствую пульсацию в висках. Господи, когда же до них дойдет, что они звучат просто нелепо. Я и подумать не могла, что когда-нибудь буду скучать по их обычной речи.

Пока все остальные спят, я пялюсь на Нейтана, как какая-то маньячка, и просто молюсь, чтобы он не разлюбил меня, даже если его родители все-таки не одобряют мою семью. Чем не пример самых здоровых, достойных и ни капли не жалких отношений.

– Я знаю, что ты пялишься на меня, – бормочет он все еще с закрытыми глазами.

– Ага, размечтался. – Быстро отворачиваюсь, достаю из кармана переднего сиденья меню и притворяюсь увлеченной чтением.

Он берет меня за руку и слегка улыбается.

– Не волнуйся, все будет хорошо. Эй, помнишь, когда мы в прошлый раз так же летели вместе?

Как я могу такое забыть?

– Я заснула на твоём плече, а когда проснулась, у меня защемило шею.

На его лице появляется широкая улыбка.

– Ты была такой милой. Я не мог оторвать от тебя глаз.

– Вот дурак. Засыпай уже.

Я целую его в щеку и, пользуясь возможностью, вдыхаю его запах – такой приятный, родной и в некоторой мере успокаивающий, – а затем снова возвращаюсь к меню. Когда я поворачиваюсь к нему через пару минут, он уже крепко спит. Так же, как и все остальные в самолете. И только я продолжаю нервно грызть ногти и продумывать все варианты плохого развития событий.

Когда мы приземляемся в Хитроу, я чувствую себя совершенно разбитой. Все происходит как в тумане: выход из самолета, встреча со Стафани и ее семьей, прохождение таможи, длинная вереница поддельных чемоданов Vuitton, после чего мы, наконец, рассаживаемся в бронированные частные такси и отправляемся в Оксфорд. В машине меня совсем размарирует, и я засыпаю, положив голову на плечо Нейтана. Спустя полтора часа водитель объявляет:

– Мы на месте.

Я подсказываю и, к своему ужасу, обнаруживаю, что у меня снова защемило шею.

– НЕ-Е-ЕТ! – Серьезно? Опять? Именно тогда, когда я снова встречаюсь с семьей Нейтана?

Выйдя из машины, моя семья собирается вокруг меня.

– Мэдди, дорогуша, что у тебя с шеей? Что случилось? – интересуется ма.

– Все в порядке, дорогуша? – спрашивает вторая тетя.

– Перестаньте говорить «дорогуша», – крихчу я.

– Но эта фраза демонстрирует любовь и заботу, – говорит старшая тетя. – Тебя называют дорогушей, потому что ты дорога людям, они любят тебя. Британцы же очень любвеобильные.

– Я знаю, что значит эта фраза, просто меня... ауч.

– Айя, тебе нужен теплый компресс, – говорит ма, массируя мою шею. – Нейтан, тебе нужно будет массировать ей шею, у нее постоянно ее защемляет, совсем как у меня, представляешь? Каждый день нужно делать массаж, айя, да и не только массаж, тебе нужно во всем ухаживать за моей доченькой.

– Простите, ма, – виновато произносит Нейтан. Мама буквально заставила называть ее «ма» после того, как мы обручились, и, что удивительно, Нейтан добродушно согласился так ее называть, без каких-либо жалоб или претензий. – Я хорошо о ней позабочусь.

– Тебе нужно сделать массаж керроком, – вдруг выпаливает ама.

– О да, точно, керроком! – добавляет старшая тетя.

– Что такое керрок? Это кирка какая-то? – интересуется Нейтан.

– Нет, не кирка. Я думаю, что на английском это будет что-то вроде скребка, – подхватывает Стафани.

– В общем, наносишь на кожу тигровый бальзам, берешь какую-нибудь монетку или крышку и начинаешь скрести кожу. Или массируешь, проще говоря. Кожа из-за этого начинает краснеть и разогреваться.

– А, типа гуаша, – выпаливает Нейтан. – Да, мой отец делал мне такой массаж, когда я простужался или плохо себя чувствовал. Это правда помогало!

– Я привез с собой тигровый бальзам, – говорит второй дядя.

– Вау, вот настоящий помощник, – хихикает вторая тетя, бесстыдно хлопая ресницами. – Может, я заеду к вам в отель попозже за тигровым бальзамом для Мэдди?

– Не будет никакого массажа, – выпаливаю я. – Следы после такого массажа неделями проходят. А я не хочу прийти на собственную свадьбу с красными пятнами на шее.

– Да, точно, они не совсем впишутся в твой невинный свадебный образ, мало ли что подумают, – произносит Стафани, смеясь.

Вторая тетя выглядит такой разочарованной, что мне приходится добавить:

– Но ты все равно захвати тигровый бальзам у второго дяди на всякий случай.

Услышав эти слова, она чуть не подпрыгивает от радости, но эта радость длится ровно до того момента, как старшая тетя бормочет:

– Фу, позоришь нас, бесстыдница. – Она произносит это достаточно громко, чтобы услышала вторая тетя, но не услышала семья Стафани. Вторая тетя тут же краснеет, но продолжает улыбаться второму дяде.

– Кстати, об отелях, – торопливо говорю я. – Я правда устала. Давайте все пойдем по номерам и хорошенько отдохнем.

– Вы, ребята, идите, – говорит Стафани. – Мы с семьей будем жить в здании колледжа, так что сразу туда и поедем, встретимся с тобой позже, хорошо?

– Договорились. – Я обнимаю Стаф, и мы вместе с семьей отправляемся в наш отель.

«Рэндольф» – самый модный отель в Оксфорде, который представляет собой величественное кирпичное здание, построенное в стиле викторианской готики. Очень впечатляет. На самом деле, любое здание в Оксфорде впечатляет. Архитектура в Англии так сильно отличается от архитектуры Лос-Анджелеса.

Лос-Анджелес – это сплошь низкие, растянутые здания, в то время как Оксфорд – высокие, величественные здания из кирпича и песчаника, украшенные резным камнем и мрамором, зубцами, колоннами и шпилями. Внутри отель выглядит так же поразительно, как и снаружи: полы из темного дерева, с потолка свисают невероятные канделябры, и все отделано золотом и дорогой кожей. Это такое место, где люди говорят тихими, приглушенными голосами.

– Вау, это местечко небось очень дорогое, да? – практически орет мама. Она в принципе разговаривает очень громко, но сейчас, в такой тихой обстановке ее голос звучит просто оглушительно. Мы тут же оказываемся в центре всеобщего внимания. Все пялятся только на нас.

– Ага, нехилое местечко, – произносит вторая тетя так же громко. – Тебе хоть скидку какую-то дали, Мэдди? Если нет, может, надо попросить, а?

Я поворачиваюсь к старшей тете и смотрю на нее глазами, молящими о помощи. Потому что не могу сказать маме и второй тете, чтобы они говорили тихо или не выбивали нам скидку, а она может. Старшая тетя – разумная женщина, сразу все поймет. Видя отчаянное выражение

на моем лице, она успокаивающе хлопает меня по плечу, и я выдыхаю. Будем надеяться, она убедит их избавиться от этого нелепого акцента и намекнет, что ни о какой скидке не может быть и речи.

– Вы, детишки, постарались на славу, – горделиво говорит она. – Не нужна нам никакая скидка. – О, слава богу. – Этот отель... – Она вежливо кивает администраторам, которые пялятся на нас, и громко произносит, четко выговаривая каждое слово: – Этот отель – просто письданешья.

Я не могу взглянуть в глаза портье, когда тот приносит наш багаж. Зная, что все в этом здании, должно быть, думают о них. О нас. Твою ж.

– Все еще думаешь о том, что произошло внизу? – спрашивает Нейтан, выходя из ванной и протирая свои волосы полотенцем. Обычно в такой момент я бы не упустила возможность полюбоваться его прессом, особенно когда он только в одном полотенце, но сейчас слишком переживаю из-за поведения моей семьи.

– Как будто я вообще когда-нибудь смогу это забыть. «Письданешья»? Что это, мать вашу? Что старшая тетя вообще пыталась этим сказать?

Нейтан смеется.

– Ну, честно говоря, «письданешья» означает «потрясающе», так что в целом она не ошиблась. Этот отель реально потрясающий.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я, – ворчу я, падая на кровать и утыкаясь лицом в мягкие подушки.

– Знаю, – мягко произносит он, присаживаясь рядом со мной, и начинает гладить меня по спине, а я просто таю от его прикосновений. – Они просто такие, какие есть. Никого из себя не строят. Да и обычно ты на них так не реагируешь. Что тебя на самом деле беспокоит? Мои родители?

Его родители, Энни и Крис, очень сильно отличаются от мамы и тетушек, ну просто небо и земля. Иногда я даже забываю, что Крис родом из Гонконга. Его семья переехала в Англию, когда ему было всего три года. Он посещал лучшие английские школы-интернаты и теперь, по сути, как современный мистер Дарси, все при нем: и манеры, и красноречие. Крошечной частичке меня, возможно, тоже хотелось, чтобы в свое время моя семья так же влилась в культуру страны, как это сделал Крис.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Нейтана.

– Ну, да. Естественно, я нервничаю из-за твоих родителей. Они такие вежливые и воспитанные, и...

– Как занозы в заднице? Вечно все хотят знать и контролировать всех.

– Нет! – смеюсь я. – Они классные. Уверена, они никогда не ставили тебя в неловкое положение на школьных мероприятиях и не употребляли в своей речи что-то вроде «письданешья». Почему вообще «письданешья» – это «потрясающе»? Что с вами, британцами, не так?

– Хм. Хороший вопрос. Что ж, я уверен, твои тети скажут это снова за ужином, чтобы, например, сделать комплимент маминой еде или типа того. Вот тогда мы сможем все вместе по diskutieren об этимологии и философском значении фразы «письданешья».

Я снова со стоном утыкаюсь в подушки.

– Все будет хорошо, – смеется Нейтан. – Они прекрасно поладят.

– Моя семья обычно никогда и ни с кем не ладит.

– Но они отлично поладят с моей семьей.

Я могу только позавидовать его безнадежному оптимизму. Мы имеем дело с двумя абсолютно разными азиатскими диаспорами, и это первое, что меня беспокоит. Второе – финансовое положение: его родители гораздо богаче моей семьи. Эстетика старых денег, одним словом. Бабушка и дедушка Нейтана еще до переезда в Англию сделали кучу денег на бизнесе в

Гонконге. И их изысканное воспитание видно просто за версту. У них даже разные бокалы для белого и красного вина, прости господи. Что вы, что вы, изыски, да и только. В моей семье в принципе редко пьют, за исключением разве что четвертой тети, та пьет от души. Но только зачем ей сдались все эти фужеры и бокалы, она пользуется красными стаканчиками для вечеринок, потому что якобы своя в доску.

Затем я спускаюсь взглядом от чертовски прекрасного лица Нейтана вниз к его чертовски прекрасной груди, а затем к его чертовски прекрасному прессу.

– На что ты смотришь с таким похотливым выражением лица?

Я притягиваю его к себе.

– Да просто люблюсь подарком, который после свадьбы станет моим навсегда.

Он нежно убирает мне за ухо выбившуюся прядь волос, а затем начинает медленно и страстно целовать меня, и примерно на час я абсолютно забываю про свою семью, их несуразные выходки и нелепый британский акцент.

6

Нейтан ошибался. А я оказалась права.

Раньше я бы обрадовалась своей правоте, но сейчас отдала бы все, чтобы прав был Нейтан.

Он ошибся насчет того, что его родители примут моих маму и тетушек. Я сразу все понимаю по их лицам, как только мы подъезжаем к дому. Они встречают нас с Нейтаном с улыбками на лицах и крепко обнимают, как и при нашей первой встрече. Но когда приходит время здороваться с моей семьей, они как-то смущаются. И я их не виню за это.

На маме и тетях шляпы с такими широкими полями, что они еле залезли в такси. Так еще и в качестве декора на этих шляпах служат гигантские шелковые цветы и фрукты. Я пыталась им мягко намекнуть, чтобы они оставили эти шляпы дома, но они настояли на своем, потому что где-то там узнали, что шляпы в Англии носят в знак уважения.

– Категорически приветствую, – здоровается старшая теть первой. Я знаю, что она может поздороваться как нормальный человек, но здесь и сейчас почему-то решает всех категорически приветствовать. – Очень любезно с вашей стороны было пригласить нас к себе домой. Я непременно рада быть здесь.

Немного погодя мама Нейтана потихоньку приходит в себя и снова пытается улыбнуться.

– О, для нас истинное удовольствие принимать вас! Так приятно наконец-то познакомиться со всеми вами. Пожалуйста, проходите в дом!

И тут происходит небольшой конфуз, потому что их громадные шляпы не вписываются в дверной проем. К счастью, они решают все же их снять. Ну, слава богу. Может, хотя бы теперь оставшаяся часть вечера пройдет хорошо.

– Я Фрия, – представляется старшая теть.

– Энджелин, – представляется вторая теть.

– Натася, – представляется мама.

– А я Мими, – представляется четвертая теть.

Мне всегда так странно слышать, когда они представляются по именам, ведь я знаю их всю свою жизнь как маму и тетушек.

– Замечательно! – восклицает мать Нейтана. – Я Энни, а это мой муж Крис. Не могу поверить, что мы никогда с вами не встречались. Мы так много слышали о вас.

– Напитки? – спрашивает отец Нейтана, взяв поднос с коктейлями и предлагая их нам.

– Спасибо, дорогой, но мы почти не пьем, только, пожалуйста, сопельки не пускайте, ладно? – отвечает старшая теть.

О боже.

– Я возьму один. – Я беру коктейль.

– Да, я правда не переносу алкоголь, сразу вся покрываюсь красными пятнами, – добавляет ма.

– Натася больше любит травку, – бормочет четвертая теть, взяв коктейль.

– Что, простите? – интересуется Крис.

– Она имеет в виду травы, которые используются в традиционной китайской медицине! – практически выкрикиваю я и бросаю на четвертую тетю убийственный взгляд, который она, будем говорить честно, просто игнорирует.

– О, это замечательно. Крис хоть и вырос здесь, но очень уважает ТКМ, не так ли, Крис? – говорит Энни.

– Да, очень уважаю. На самом деле, я приготовил для сегодняшнего ужина много блюд, и одно из них – это тушеный цыпленок с женишнем.

– Вай, вы готовите? – удивляется ма. – Ой, простите, я хотела сказать, вот это да, вы увлекаетесь готовкой?

Мои виски начинают пульсировать. Крис отводит ма на кухню, и они оба начинают болтать о корнях женьшеня и различных китайских травах. Остальные же отправляются в столовую, где накрыт прекрасный стол; для каждого гостя подготовлены два разных бокала для вина и аккуратно сложенные салфетки.

– Все выглядит просто роскошно, правда? – восклицает вторая тетя.

– Да, Энни, ты прямо щеголиха, – отвечает старшая тетя.

О боже, кто-нибудь, пожалуйста, остановите их. Мать Нейтана, будучи в полном недоумении, улыбается им, а затем приглашает нас присесть за стол, в то время как сама идет с Нейтаном на кухню за основными блюдами.

– Старшая тетя, вторая тетя, говорите нормально, пожалуйста, – я начинаю умолять их, как только Энни выходит.

– Цыц, Мэдди, мы просто пытаемся быть вежливыми. Как там говорится? Если ты в Риме, будь добр носить тогу, – буркает в ответ старшая тетя. – Мы сейчас в Англии, у них дома, значит, говорим на британском английском. Мы тем самым показываем, что идем им навстречу, пытаемся учиться их языку, они это оценят.

– Да, ты же понимаешь, что нам нужна явно не одна неделя, чтобы научиться хорошо говорить, – подхватывает вторая тетя. – Мы специально втайне начали брать уроки, хотели удивить вас. Не будь такой неблагодарной, Мэдди, ладно? Будь хорошей девочкой.

Чувство вины поедает меня изнутри. Они правы. Я правда веду себя как неблагодарный ребенок. И знаю, что они сделали все это из-за любви ко мне, хотели произвести впечатление на семью Нейтана ради меня. Но все же! Проклятье!

– Ладно, я в самом деле ценю все ваши усилия, но так не... Уверю вас, в Англии нормальные люди так не разговаривают.

– Кто сказал? – огрызается на меня старшая тетя. – Учитель, с которым мы занимаемся, говорит, что именно так общаются современные люди в Англии!

– Какой учитель? – спрашиваю я.

– А, да, мы нашли учителя на Fiverr, – с гордостью заявляет вторая тетя. – Соотношение цены и качества просто отменное. Час всего пять долларов. Мы занимались сразу по несколько часов!

Четвертая тетя фыркает, явно получая удовольствие от этого разговора.

Прежде чем я успеваю им ответить, из кухни возвращаются Нейтан и его мать, неся тарелки с едой. Ма и Крис следуют за ними, тоже с тарелками. Когда все блюда, наконец, вынесены, мы садимся за стол, удобно устроившись на своих местах. Стол просто ломится от количества блюд, как английских, так и китайских. Здесь и вышеупомянутый цыпленок с женьшенем, и огромная миска острой кунжутной лапши, и громадный кусок жареной свинины, и теплый йоркширский пудинг, и еще целая куча разных закусок и гарниров.

– Вау, все выглядит так аппетитно, правда? – восклицает ма.

– Да, все выглядит очень вкусно, верно, – отвечает вторая тетя.

– Согласна, – вежливо добавляет старшая тетя, – все выглядит просто письданешься.

– Э-э-э, спасибо? – отвечает Крис.

Энни быстро переводит взгляд с моей семьи на Нейтана, который изо всех сил пытается не рассмеяться.

– Они специально брали уроки британского сленга перед встречей с вами, – быстро добавляю я извиняющимся тоном.

– О! Как... мило, – говорит Энни, выдавливая из себя улыбку. – Что ж, пожалуйста, угощайтесь. Надеюсь, еда вам понравится.

Когда все приступают к трапезе, я замечаю, что старшая тетя роется в своей сумочке. О нет. Я сразу понимаю, что она собирается достать оттуда. А дальше все происходит словно в замедленной съемке. Я тянусь через вторую тетю, чтобы схватить старшую тетю за руку, но уже слишком поздно. На стол с оглушительным стуком приземляется бутылка соуса чили.

Родители Нейтана тут же замолкают и смотрят сначала на бутылку, а потом на старшую тетю.

– Это... – начинает Энни.

– Это самбал, – перебивает ее старшая тетя. – Индонезийский соус чили, лучший соус чили. Попробуйте немного.

Энни хмурится.

– Да нет, спасибо. Значит, вы носите с собой в сумочке соус чили?

– О да, конечно. Без него я не получаю такого удовольствия от еды.

Вот почему я никогда не вожу свою семью в хорошие рестораны. Я миллион раз пыталась им объяснить, что очень невежливо брать с собой в ресторан или в гости к другим людям собственный соус чили, но они меня так и не поняли.

– В Индонезии все приносят с собой собственный соус чили, – добавляет ма. – Почему ты всегда говоришь, что это невежливо? Это просто практично. Всем нравятся разные сорта чили, и если хозяева хорошие, то они предоставят разные виды соуса. Но мы стараемся сильно их не обременять, поэтому всегда носим соус с собой.

– Хотя, конечно, вашей едой можно наслаждаться и без соуса, – говорю я. – М-м-м, все такое вкусное.

– Это часть индонезийской культуры, – добавляет Нейтан, пытаясь помочь мне. – Там, куда бы люди ни шли, они всегда берут с собой свои собственные соусы чили. Мне кажется, что это отличная идея.

– Да, замечательная, – отвечает Энни, наблюдая за тем, как старшая тетя заливает свою еду соусом чили. Когда вся тарелка скрывается под слоем ярко-красного соуса, старшая тетя передает его второй тете, которая тоже начинает им все заливать. Уже наполовину пустую бутылку вторая тетя передает маме, но, к моему удивлению и облегчению, она отказывается. Слава богу, наконец кто-то проявляет хоть каплю уважения...

– Мне кажется, я немного отравилась в самолете. Ой, у меня так разболелся живот, что я даже прокакалась в отеле. Лучше сегодня не буду есть острое, – говорит ма.

Просто убейте меня. Прямо здесь и сейчас.

Все моментально перестают есть. Родители Нейтана в откровенном ужасе прячутся на ма. Я хочу объяснить, что в индонезийской культуре обсуждать в открытую свое пищеварение вполне приемлемо, но даже не знаю, с чего начать.

Нейтан прочищает горло:

– Да, еда в самолете – штука опасная, не знаешь, чего ожидать. Слушай, мам, как там дела с твоим садом? Я слышал, ты посадила новое лимонное дерево?

Господи, спасибо Нейтану. Энни начинает рассказывать нам о фруктах и овощах, которые они выращивают на заднем дворе.

– У нас растут прекрасные помидорчики, очень вкусные, – делится с нами Крис, – но если говорить честно, то садоводство – это просто ад для моей спины. – Говоря это, он потирает свои плечи и морщится.

– А, ты должен начать заниматься тай-чи, – восклицает вторая тетя. – Пойдем, я тебя научу.

– Вторая тетя, нет... – Но она уже вскакивает со стула и направляется к отцу Нейтана, который в этот момент смотрит на нее, как испуганный школьник.

– Все в порядке, – бормочет Нейтан, – это будет полезно для его спины.

– Но...

Самый ужас в том, что она и правда прямо там, в красивой столовой, начинает заниматься тай-чи.

– Это исходное положение. Повторяй за мной. – Она поднимает обе руки.

Крис со страхом и неуверенностью начинает повторять за ней.

– Первая поза – «поглаживание гривы дикой лошади». Лошадь очень дикая, ты должен быть с ней очень нежным, ладно? – Вторая тетя делает шаг вперед, приседает и начинают плавно двигать руками, будто поглаживая гриву воображаемой лошади. Крис все повторяет за ней.

– Еда остывает, – нервно произносит Энни.

– Ладно, мы быстро, – отвечает вторая тетя. – Быстрее, теперь «белый журавль хлопает крыльями». Быстрее делай, эй, быстрее. Колено вперед, да, теперь оттолкнись! Хорошо. А сейчас «отражающая обезьяна»!

Бедный Крис изо всех сил старается не отставать от второй тети и в точности выполнять все ее команды, но, когда он поднимает левую ногу, его резко перекашивает от боли, и он вскрикивает:

– Моя спина!

Нейтан вскакивает из-за стола и бросается к отцу. Энни тоже подскакивает и спешит на кухню со словами:

– Я принесу лед!

– Пойдем в гостиную, – говорит Нейтан своему отцу. – Ляжешь там на диван.

О, господи боже. Все даже хуже, чем я себе представляла, а я представляла много плохих исходов. Я реально продумала у себя в голове тысячи вариантов плохого развития событий, но ни один из них не подразумевал, что моя семья в прямом смысле покалечит отца Нейтана, что его придется выносить из комнаты на руках. Мы все встаем, чтобы последовать за ними в гостиную, но Нейтан отрицательно качает головой, поэтому мы остаемся в столовой.

– Вай, это все ты и твоя тай-чи, – ругается старшая тетя. – Посмотри, что ты наделала.

– Цыц, это потому, что я торопилась. Если не торопиться, то ничего такого не произойдет, – огрызается вторая тетя. – Тай-чи очень полезна для спины. Я пыталась помочь.

– Я знаю, эр-цзе, ты пыталась помочь, – утешительно произносит ма. – Эй, может, мне сделать для него отвар из китайских травок, чтобы облегчить...

– НЕТ! – хором кричим все мы.

Ма выглядит обиженной.

– Ну, я же хочу помочь. У меня с собой есть кое-какие травки, они очень хорошо обезболивают.

– Я не думаю, что будущий тесть Мэдди хотел бы, чтобы ты накачала его наркотическими травками, – говорит четвертая тетя.

Ма свирепо смотрит на нее, вторая тетя свирепо смотрит на старшую тетю, и вот круг замыкается.

– Мэдди, – говорит ма через некоторое время, – иди проверь, как там они, быстренько. Спроси его, не хочет ли он отвар. Если захочет, я сделаю.

Я киваю и начинаю тихо красться по коридору. Просто не хочу шуметь. Наверное, потому что чувствую вину за то, что мы, как обычно, вихрем ворвались в их жизнь. Так что теперь самое меньшее, что я могу сделать, – это вести себя тихо, как мышка. Когда я подхожу к гостиной, то замираю и начинаю прислушиваться к голосам в комнате.

– ...не совсем такие, какими я их представляла, – говорит Энни. – Они, э-э, очень отличаются от твоей семьи, не так ли, Крис?

У меня внутри все сжимается. Во мне пробуждаются сразу тысячи эмоций. Стыд, гнев, просто все эмоции вперемешку. Конечно, моя семья отличается от семьи Криса! Да, обе наши

семьи пошли от семей иммигрантов, но это совсем не значит, что мы все должны быть как под копирку и вести себя одинаково.

– Да, мама, тебя может это удивить, но не все азиаты ведут себя одинаково.

– Я не это имела в виду. Ты понял, о чем я.

У меня ощущение, что меня сейчас стошнит. Я оказалась права. Она ненавидит их. Она ненавидит нас.

– Пап, как ты себя чувствуешь?

Раздается какое-то ворчание, а затем Крис отвечает приглушенным голосом:

– Немного лучше. Вы двое возвращайтесь и допивайте свой чай. Со мной все будет в порядке.

– Мэдди, как дела? Все в порядке?

У меня чуть сердце в пятки не уходит. Как ма умудрилась так незаметно подкрасться ко мне?

– Да, я как раз собиралась...

– Айя, почему ты так долго? Я пойду и спрошу сама, хочет он отвар или нет.

– Ма, не надо... – Не знаю, как остановить мою мать, разве что наброситься на нее. Я беспомощна. Она врывается в гостиную, и я захожу за ней. У меня горят щеки. Не могу никому смотреть в глаза.

– Сэр Крис, мне жаль, что все так вышло, – выдает ма.

Сэр? Какого черта.

– Я знаю, от чего вам станет лучше – я сделаю вам свой фирменный отвар из китайских трав, ладно? – Ма поворачивается к Энни и добавляет: – Эти травы используются в традиционной китайской медицине. – И произносит это очень громко, как будто Энни слабослышащая. – Вы же знаете? В китайской медицине используют натуральные травы, корни и животные жиры, в отличие от западной медицины, где используют только всякую химию.

Энни слабо кивает.

– Да, я же уже говорила раньше, Крис иногда обращается к традиционной китайской медицине. Хм, ну если вы думаете, что это может помочь...

Ма сияет от радости, когда понимает, что добила того, чего хотела.

– Я уверена, что это поможет, конечно, поможет! Травы лежат у меня в сумочке, подождите здесь...

– Нет, ма, – быстро восклицает Нейтан. Он прекрасно помнит, что случилось с шаферами Тома Круза Сутопо после маминых травок. – Не утруждайте себя, с папой все будет в порядке.

– Да нет, мне совсем не трудно.

– Ма, правда...

Энни вздыхает так громко, что мы все замолкаем и поворачиваемся, чтобы взглянуть на нее. Она смотрит на Нейтана так, будто он только что убил кого-то.

– Мам? Ты чего?

На лице Энни застывает выражение жестокого предательства и боли. Медленно и тихо она спрашивает:

– Ты называешь ее мамой?

Я думала, этот вечер не может стать хуже. Хотя почему это? Еще как может! Наши семьи слишком разные. Мы не понимаем друг друга. Они думали, что мы поладим, ведь Крис не просто азиат, он китайского происхождения, как и мы. Но на самом деле сегодняшний вечер лишь показал пропасть между нами.

Вскоре после этого мы просто тихо выходим. Нейтан говорит, что останется на ночь, чтобы убедиться, что с отцом все в порядке. Напоследок я шепчу ему на ухо:

– Мне так жаль.

Он кивает и ободряюще улыбается мне, но в его глазах печаль. У меня внутри все сжимается.

Прощаться очень тяжело. Не знаю, стоит ли мне обнять Энни. Когда я подхожу к ней, она заметно напрягается, поэтому просто киваю ей и виновато улыбаюсь.

– Большое вам спасибо за угощение.

Она слегка улыбается.

– Спасибо, что пришли, – говорит она всем нам. – Мы увидимся с вами на... э, ну, увидимся на... свадьбе. – Она произносит слово «свадьба» так, будто оно застряло комом у нее в горле. Создается такое ощущение, будто она не может поверить, что вообще произносит его.

Хотя часть меня уже сомневается, что эта свадьба вообще состоится, особенно после сегодняшнего вечера.

7

– Ребята, я так рада, что у вас получилось приехать! – повторяю я уже в четырнадцатый раз за эту ночь. Что могу сказать, это уже четвертый мой коктейль, поэтому из слегка пьяненькой я превратилась в пьянющую, но зато счастливую и любвеобильную Мэдди.

Селена ухмыляется, когда Себ взвизгивает и кидается меня обнимать.

– Конечно, – говорит Селена. – Ни за что на свете не пропустила бы такое событие. Моя лучшая подруга выходит замуж!

– Э-э, прошу прощения, Мэдди – моя лучшая подруга, – возражает Себ.

– Вы такие милые, – произносит Стаф, делая еще один глоток своего коктейля. – А коктейли такие вкусные!

– Я не могу поверить, что ты выходишь замуж в одном из самых красивых городов мира, – возмущается Себ, – но при этом не я твой фотограф!

– Цыц, ты здесь в качестве гостя.

– Не волнуйся, я обязательно отправлю тебе все уродские фотки, – отвечает ему Стаф, подмигивая.

– Эй! – недовольно выдаю я.

– А ты мне нравишься, – отвечает Селена Стафани. – Мэдс, ты выбрала отличного фотографа. Я думала, что Мэдди никогда не сможет выбрать себе фотографа. Это знаете, как говорят, врачи – худшие пациенты? Что ж, свадебные фотографы – это худшие невесты. Она продолжала придирается к каждому фотографу, которого мы находили. Я уже думала, она решит сама снимать свою же свадьбу. – Селена изображает, как я ставлю камеру на таймер, а затем бегу обратно в своем огромном свадебном платье, чтобы принять позу, и мы тут же начинаем покатываться от смеха.

– Ты такая засранка. – Я крепко обнимаю ее. Боже, я так рада, что у меня есть такие друзья. Сегодня был очень жесткий денек, и, не будь их рядом, я бы просто не выдержала этого всего.

Мы с Нейтаном потратили весь день на разные срочные дела: съездили в ратушу, чтобы подтвердить завтрашнюю регистрацию, съездили в колледж Крайст-черч и обсудили с амой мелкие детали завтрашней церемонии. Еще мы забрали платье Энни из химчистки. Она показала его мне у себя дома, и ей явно очень понравилось, как качественно его отшили. Это было замечательное платье по колено, серого цвета и с маленькими желтыми цветочками по подолу. Очень милое, но, в сравнении с образами моей мамы и тетушек, Энни будет выглядеть в нем серой мышкой. Хотя, вернее, образ Энни как раз будет подходящим, а вот моя семья, в сравнении с Энни, будет выглядеть как семейка пестрых попугаев.

Я обожаю проводить целые дни с Нейтаном, даже если мы выполняем всякие дела, но сегодня с ним что-то было не так. Я чувствовала его напряжение. Казалось, будто между нами выросла невидимая электрическая преграда, которая ударит нас током, если мы попытаемся преодолеть ее. Я спросила у него несколько раз, все ли хорошо, после чего он каждый раз целовал меня в голову или в щеку и отвечал утвердительно.

Но все было явно не хорошо. Я спросила, как там отец и его спина, он сказал, что сегодня утром ему немного полегчало, хотя боль все еще не прошла, и меня снова одолели стыд и ужасное чувство вины. Я спросила, как его мама, и он выдал улыбку, а затем сказал:

– У нее все хорошо.

И сменил тему, спросив, как дела у меня и моей семьи.

– У меня все хорошо, – ответила я ему. – У нас все хорошо.

У всех «все хорошо», но на самом деле все совсем не так. Я утешаю себя только тем, что он просто нервничает перед свадьбой. Я работала фотографом на очень многих свадьбах, и

часто пары так нервничали, что нуждались в словах поддержки, которую получали от меня, или подружки невесты, или даже от организатора свадьбы. Это всего лишь нервы, и все. Хотя на самом деле весь день ужасная, неуверенная часть меня очень хотела закричать: «ТЫ ВООБЩЕ ЕЩЕ ХОЧЕШЬ ЖЕНИТЬСЯ НА МНЕ?! БУАГАГА-А-А».

Но я горжусь тем фактом, что мне удалось подавить внутренний голос. Видите, я не настолько жалкая! Вообще-то я испытала некоторое облегчение, когда мы наконец сделали все дела и Нейтан высадил меня у отеля. Мы заранее договорились, что он проведет ночь перед свадьбой дома у родителей, а я останусь в отеле. Хотя меня одновременно и обрадовало, и расстроило такое решение. С одной стороны, я остаюсь одна и могу спокойно поистерить и выпустить пар. Но, с другой стороны, вроде как не прочь поистерить и выпустить пар вместе с Нейтаном.

– Земля вызывает Мэдди, – зовет меня Себ. – О чем думаешь?

«Я так счастлива, потому что все мои любимые люди приехали ко мне на свадьбу», – хочу сказать я, но вместо этого выпаливаю:

– Мне кажется, Нейтан передумал жениться.

– Оу, милая, – восклицает Себ, – у него, наверное, обычный свадебный мандраж. Тебе ли не знать, что это такое. Мы на стольких свадьбах были фотографами и стольких невест и женихов успокаивали, потому что они так же нервничали.

– Это точно, – добавляет Стаф. – Тем более я видела, как Нейтан смотрит на тебя. Он наверняка уже любил тебя как жену еще до того, как сделал предложение. Так что это явно настоящая любовь.

– Да они еще в колледже вечно сюсюкались и вели себя как женатая парочка, – выдает Селена. – Представь, каково было быть ее соседкой по комнате и наблюдать эту милую мерзость каждый день?

– Ой, бедняжка, – говорит Себ. – Как ты вообще это выдержала?

Селена драматично прикрывает глаза рукой.

– Честно говоря, не знаю, как мне это удалось. В общем, что мы хотели всем этим сказать: вы с Нейтаном созданы друг для друга. А его непонятное тревожное поведение – это, как уже сказали Себ и Стаф, обычное волнение перед свадьбой.

– Надеюсь. – Мне становится не по себе из-за того, что я вот так из-за пустяка разнылась, но заставляю себя улыбнуться. – Пойдемте потанцуем.

Следующие два часа проходят как в тумане. Мы пьем, бесимся, танцуем, снова пьем. В какой-то момент мы решаем, что все же на сегодня хватит и, спотыкаясь, выходим из переполненного ночного клуба, обнимая друг друга и смеясь. У меня гудит в ушах, и все вокруг кружится.

– Я хочу в паб, – говорит Себ.

– Да! Пойдемте в The Eagle and Child. Знаете, именно там Толкиен написал своего «Хоббита», – добавляет Селена.

– Правда? – Я замираю, пытаюсь представить, как Толкиен пишет книгу в пабе.

– Ну, я не знаю, правда ли он писал там или просто ходил туда, чтобы, так сказать, вдохновиться, пропустив пару стаканчиков, но он определенно был постоянным посетителем этого паба. Я читала, у них там даже есть мемориальная доска и всякое такое.

– Я бы с удовольствием пошла, но мне пора спать. Завтра рано утром прическа и макияж.

– Да, конечно, завтра важный день, – говорит Стаф, – ведь ТЫ ВЫХОДИШЬ ЗАМУЖ!
А-а-а!

Мы все начинаем смеяться и визжать.

– Хорошо, мы с Селеной идем в паб. А что насчет тебя, Стаф? Пойдешь с нами? – спрашивает Себ.

Стаф отрицательно качает головой.

– Мне завтра на работу, – произносит она, подмигивая мне, – так что я тоже пас. Провожу тебя до отеля, Мэдди.

Они отправляются в паб, а мы со Стаф направляемся к отелю.

– У тебя такие классные друзья, – говорит Стаф.

– Да, очень классные. Мне повезло, что они есть в моей жизни. А еще мне повезло, что в моей жизни есть ты. – Я беру ее под руку, и она улыбается мне. – А как ты доберешься до своего отеля одна?

– Не парься, – отмахивается Стаф. – Я все равно собираюсь в G&D поесть мороженое с третьим дядей. Это совсем недалеко от «Рэндольфа». Со мной все будет в порядке.

– Если так, то ладно.

У входа в мой отель мы обнимаемся и расходимся. Я иду по вестибюлю, глупо улыбаясь, и роюсь в сумке в поисках ключа-карты. И вдруг нащупываю пальцами коробочку. Черт! Я приготовила Себу и Селене маленькие подарки и в последнюю минуту решила приготовить подарок еще и для Стаф, потому что она так нам помогала с подготовкой к свадьбе. Достая коробку и, пошатываясь, выхожу обратно на улицу. Останавливаюсь ненадолго, чтобы подышать прохладным воздухом и немного протрезветь.

Уже довольно поздно, поэтому на улице практически никого нет, кроме небольших компаний шумных пьяных студентов колледжа. Я замечаю вдалеке фигуру Стафани и направляюсь к ней. Она разговаривает с кем-то по телефону. Пытаюсь позвать ее по имени, но я так сильно орала в клубе, что мой голос охрип, поэтому вместо крика из меня вырывается лишь кашель. Что ж, придется бежать трусцой, чтобы догнать ее.

Когда до нее остается буквально два метра, я слышу обрывки разговора.

– Да, все в силе, – говорит Стаф, и в ее голосе отчетливо слышится раздражение. – Нет, я не пьяная, я выплев...

Что? У меня в голове начинают всплывать сцены сегодняшнего вечера. Стаф весь вечер носила с собой бутылку сидра, чтобы им запивать все шоты, что мы заказывали. Но теперь я задумываюсь, а не носила ли она эту бутылку, чтобы выплевывать туда шоты вместо того, чтобы проглатывать их? Я не могу... зачем ей так делать? Я замедляю шаг, чтобы не выдать себя своей одышкой, и останавливаюсь в нескольких шагах позади нее.

– ...мне нужно было... типа веселиться... иначе это выглядело бы подозрительно.

Что происходит? Я подбираюсь к ней еще ближе.

А потом Стаф говорит то, от чего у меня кровь стынет в жилах:

– Да, цель прежняя – завтра. Мы устраним ее на свадьбе.

Будучи в полном шоке от услышанного, я только в самый последний момент замечаю, что она остановилась, поэтому уже не могу ничего сделать и врезаюсь прямо в нее. Она оборачивается, и у нее просто отвисает челюсть. В этот момент мне кажется, что я вижу Стаф – настоящую Стаф – впервые в жизни. Без этих масок профессионального фотографа или моей подруги, за которыми она пряталась все это время, Стаф выглядит совсем другой. Более хитрой, более опасной. На секунду мы обе замираем, а затем она медленно подносит телефон к уху и говорит:

– Я тебе перезвоню. – Смотря мне прямо в глаза, она кладет телефон обратно в сумку. – Что ты здесь делаешь, Мэдди?

– Я... э-э-э, вернулась, потому что забыла отдать тебе это...

Я поднимаю руку и, вздрогнув, понимаю, что слишком сильно сжала подарочную коробку, и теперь она приняла форму флакона парфюма, который лежит внутри. Из меня вырывается нервный смешок.

– Прости, я немного раздавила подарок, пока слушала, как ты говоришь о том, чтобы устранить кого-то на моей свадьбе. Что за хрень, Стаф? – Мне так хочется, чтобы она опро-

вергла все это, сказав, что я просто слишком много выпила или по ошибке взяла немного маминой травки, но Стаф ничего не опровергает и не произносит ни слова.

Она смотрит на меня с выпученными глазами.

– Ты серьезно собираешься завтра убить кого-то? – резко выкрикиваю я.

Она резко хватается за руку, а я вздрагиваю и отпрыгиваю назад. Ну, или, по крайней мере, пытаюсь отпрыгнуть. Ее хватка оказывается невероятно сильной. Вообще-то я тоже неслабая, но не после семи шотов водки и целой ночи танцев. В тот момент все мои инстинкты отключаются. Я пытаюсь освободить свою руку из ее хватки, но ничего не выходит, и она тащит меня за собой, как какого-то ребенка, в ближайший переулок. Меня моментально накрывает волной страха, и я будто бы снова оказываюсь в машине с А Гуаном, с осознанием того, что вот-вот умру. Я уже собираюсь закричать – почему я вообще не сделала этого раньше, и, черт возьми, насколько же я пьяная? – но Стаф накрывает мой рот рукой. Я решаю укунить ее, и это срабатывает, потому что она убирает руку с моего лица. Я делаю быстрый вдох и вижу, как она замахивается, а в следующее мгновение у меня просто перехватывает дыхание.

Господи. Она сломала мне шею. Каждый мой вдох тут же вызывает кашель. Я падаю на колени. О боже, воздух. Воздух!

– Успокойся, – шипит Стафани. – Я вроде как ударила тебя кулаком в горло. Ты сможешь дышать через несколько секунд. Наверное. Я надеюсь? Мэдди, ты в порядке?

«Нет, я, мать его, не в порядке, ты сломала мне шею», – пытаюсь сказать я, но в итоге снова начинаю кашлять. Спустя несколько мучительных мгновений до меня доходит, что она, скорее всего, не сломала мне шею, потому что тогда я бы, наверное, была уже на том свете.

– Мне пришлось так сделать, прости, я не могла позволить тебе позвать на помощь. Слушай, ай, твою мать, Мэдди.

Я делаю прерывистый вдох и закашливаюсь снова.

Еще вдох. Дыши, еще, еще.

– Что... – задыхаясь, произношу я, а затем сглатываю и пытаюсь снова. – Что, черт возьми, происходит?

Она смотрит на меня, практически не моргая.

– Я... э-э, прости, мы собираемся завтра кое-кого устранить?

Вот вроде все понятно, но одновременно ничего не понятно. Ну, то есть я прекрасно слышу ее и знаю, что означает каждое отдельное слово само по себе, но, когда Стафани объединяет их в одно предложение, они будто резко превращаются в какие-то немецкие фразы. Ну, а на немецком я не говорю, чтоб вы понимали. Я фыркаю и поднимаюсь с колен, у меня слезятся глаза.

– Потому что вы, ребята, якудза? Картель? Мафия?

На мгновение в воздухе повисает напряжение, а затем лицо Стаф будто каменеет.

– Да, Мэдди, ты права. Мы мафия.

– Ха. – Из меня вырывается слабый смешок, а потом я тут же замолкаю.

Потому что по ее лицу видно, что это не шутка. Она говорит серьезно.

– Но... Подожди, что? Но мы ходили вместе в ресторанчик дим-сам, – тихо восклицаю я. Как будто мафия не может пойти в лучший в нашем районе ресторан дим-сам прекрасным воскресным утром. Но на самом деле они кажутся такими обычными.

– У вас даже нет татуировок, – выпаливаю я.

Стаф пожимает плечами.

– Ама не одобряет татуировки. Она наш босс, на случай если ты этого еще не поняла.

– Ты... ты вооружена? – шепчу я. – О боже, неужели меня сейчас застрелят?

Она отрицательно качает головой.

– Как, черт возьми, я бы пронесла оружие в самолет, Мэдди?

– Я не знаю! Не знаю, как вы, мафиози... мафия! – Мне нужно перестать произносить слово «мафия». – Но... почему мы? Почему на нашей свадьбе? Кого вы хотите устранить?

Взгляд Стаф становится мягче.

– Я не могу тебе этого сказать, но поверь мне, человек, которого нам нужно устранить, очень плохой. Он заслуживает того, что с ним собираются сделать, понимаешь?

– Нет. НЕТ! Не понимаю. Какого хрена?

– Мэдди, будь благоразумной...

– Быть благоразумной – значит позволить тебе убить кого-то на моей свадьбе? – выпаливаю я. – Ты сумасшедшая. Я вызываю полицию.

– Тебе не стоит этого делать, – произносит она очень холодно.

Черт, наверное, не следовало говорить про полицию вслух, но в свою защиту скажу, что у меня плохо работает мозг в этот момент, мне не хватает кислорода из-за того, что мне просто раздавили горло – ладно, не раздавили, но определенно очень сильно ударили, – плюс я пьяная и из-за этого тоже могу тормозить.

– Знаешь, почему тебе не стоит этого делать? – спрашивает Стаф.

Я собираю всю волю в кулак, ожидая, что она пригрозит убить меня, или ма, или любую из моих тетюшек, или Нейтана. Но она говорит то, что гораздо хуже всего вышеупомянутого.

– Потому что мы расскажем полиции о том, как ты убила какого-то чувака в Санта-Лючии, и тогда ты и вся твоя семейка, включая Нейтана, отправитесь в тюрьму очень-очень надолго.

8

Я не помню, как возвращаюсь в «Рэндольф». Не помню, как поднимаюсь по красивой лестнице, как прохожу мимо многочисленных старинных картин, как иду по коридору к номерам. Не помню, как прохожу мимо своего номера, даже не взглянув на цифры на двери, и не помню, как оказываюсь у номера мамы. Я не помню, как поднимаю руку и стучу, но внезапно мама появляется в дверях, ее волосы накручены на бигуди, и она растерянно смотрит на меня.

– Что, Мэдди? Уже пришло время делать прически и макияж?

Я молча качаю головой из стороны в сторону, а ма пристально смотрит на меня.

– Айя, ты что, только вернулась из клуба? Вай, так поздно. Завтра у тебя будут мешки под глазами, будешь потом жалеть, что не легла спать пораньше.

Мешки под глазами. Завтра. Я нервно усмехаюсь от этой мысли. Правильно, потому что завтра день моей свадьбы, и я правда должна беспокоиться о своих мешках под глазами, а не о какой-то там мафии.

Ма, должно быть, понимает, что я едва сохраняю самообладание, потому что ее лицо внезапно становится серьезным.

– Мэдди, что случилось? Заходи внутрь. – Она берет меня за руку и заводит в свой темный номер, остановившись, чтобы включить свет.

Вторая тетя резко вскакивает в своей кровати.

– Что? Уже пора делать макияж?

– Нет, эр-цзе, – отвечает ей ма. – Мэдди пришла. Мне кажется, что-то случилось.

Вторая тетя и ма смотрят друг на друга.

– О нет, кого ты убила?

– Что? Никого!

Вторая тетя пожимает плечами.

– В последний раз, когда ты пришла посреди ночи в таком виде, то убила парня, с которым была на свидании. Кто знает, может, на этот раз ты убила друга жениха?

– Нет, все живы, понятно?

– О нет. Я знаю, что произошло! – восклицает ма и сразу грустнеет. – Это кое-что похуже того, что Мэдди могла убить кого-то. Нейтан отменил свадьбу, да?

– Нет! И, кстати, почему ты думаешь, что это хуже, чем возможное убийство? Не могли бы вы, ребята, просто... мне нужна минутка.

Я бросаюсь в ванную, открываю кран и умываю лицо ледяной водой. Потом наливаю себе стакан холодной воды и выпиваю его залпом, затем наливаю еще один и снова выпиваю. Я поднимаю глаза к зеркалу и смотрю на свое отражение: глаза ввалились, щеки все в пятнах, а на голове не волосы, а какое-то птичье гнездо. В общем, я в полном раздрае. Но холодная вода немного оживляет, и я начинаю глубоко дышать. Все хорошо. Все хорошо. Все в порядке. Я и с вещами похуже справлялась. Как, например, в ту ночь, когда убила парня. Случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.